

100

ВЕЛИКИХ ФЕНОМЕНОВ

100 великих (Вече)

Николай Непомнящий
100 великих феноменов

«ВЕЧЕ»

2007

Непомнящий Н. Н.

100 великих феноменов / Н. Н. Непомнящий — «ВЕЧЕ»,
2007 — (100 великих (Вече))

На свете есть немало людей, сильно отличающихся от нас. Чаще всего они обладают даром целительства, реже – предвидения, иногда – теми способностями, объяснить которые наука пока не может, хотя и не отказывается от их изучения. Особая категория людей-феноменов демонстрирует свои сверхъестественные дарования на эстрадных подмостках, цирковых аренах, а теперь и в телемостах, вызывая у публики восторг, восхищение и удивление. Рядовые зрители готовы объявить увиденное волшебством. Отзывы ученых более чем сдержанны – им все нужно проверить в своих лабораториях. Эта книга повествует о наиболее значительных людях-феноменах, оставивших заметный след в истории сверхъестественного. Тайны их уникальных способностей и возможностей не раскрыты и по сей день.

© Непомнящий Н. Н., 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Предисловие	5
Видевшие сквозь века	6
Пророк Даниил: на службе царей и всего человечества	6
Аполлоний Тианский, проходивший сквозь время	9
Иоганн из Иерусалима: видения и жизнь	12
Матушка Шиптон: пророчества, попадавшие в «яблочко»	19
Мишель Нострадамус: человек, видевший конец света[1]	23
Джон Ди, владелец магического кристалла[2]	26
Джонатан Свифт: невероятное предсказание в фантастической книге[3]	30
Иоганн Каспар Лафатер: забытые пророчества[4]	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Н.Н. Непомнящий

100 великих феноменов

Предисловие

Занятые повседневными заботами, мы часто не замечаем, а порой просто не хотим замечать феноменальные явления, которые сопровождают нас в жизни. Но настает момент, когда в той или иной ситуации мы сталкиваемся с необычным, ведь рядом живут – и всегда жили – люди, которые отличаются от нас. Чаще всего они обладают даром целительства, реже – предвидения, еще реже – теми способностями, объяснить которые наука пока не может, хотя и не отказывается от их изучения. Особая категория людей-феноменов демонстрирует свои сверхъестественные дарования на эстрадных подмостках и цирковых аренах, вызывая у публики восторг, восхищение и удивление. «Чудеса, волшебство!» – говорят обычно зрители. Реплики ученых более чем сдержанны – им все нужно проверить в лабораториях.

В этой книге мы расскажем о наиболее значительных людях-феноменах, оставивших заметный след в истории сверхъестественного, тайны сверхспособностей которых так до сих пор и не раскрыты.

Видевшие сквозь века

Пророк Даниил: на службе царей и всего человечества

Он происходил из знатного рода. При завоевании Навуходоносором Иерусалима в 606 году до Р.Х. пятнадцатилетний Даниил вместе с другими иудеями попал в вавилонский плен. Там его и других самых способных юношей определили в школу для подготовки к службе при царском дворе.

С Даниилом учились три его друга: Анания, Мисаил и Азария. В течение нескольких лет они изучили местный язык и разные халдейские науки. При поступлении в школу этим трем юношам дали новые имена: Седрах, Мисах и Авденаго. Однако с принятием языческих имен юноши не изменили вере своих отцов. Боясь оскверниться языческой пищей, они упросили своего воспитателя давать им пищу не с царского стола, окропленную кровью животных, принесенных в жертву идолам, а простую, растительную. Воспитатель согласился, с условием, что после десяти дней питания растительной пищей он проверит их здоровье и самочувствие.

Пророк Даниил

В конце пробного периода эти юноши оказались здоровее других, питавшихся мясом с царского стола, и воспитатель разрешил им вкушать пищу по своему усмотрению. За преданность истинной вере Господь наградил юношей успехами в науках, и вавилонский царь, присутствовавший на экзамене, нашел, что они сообразительнее даже его вавилонских мудрецов.

После окончания школы Даниил с тремя друзьями был определен на службу при царском дворе и оставался в звании придворного сановника во все время царствования Навуходоносора и его пяти преемников. После покорения Вавилона он стал советником царей Дария Мидийского и Кира Персидского.

Бог наделил Даниила способностью понимать значение видений и снов, и эту способность он проявил, дав толкование двум снам Навуходоносора, которые сильно смутили царя.

В одном из снов Навуходоносор видел огромного и страшного истукана, сделанного из четырех металлов. Камень, скатившийся с горы, разбил истукана в прах, а сам вырос в большую гору. Даниил объяснил царю, что истукан символизировал четыре языческих царства – начиная с вавилонского и кончая римским, – которые должны были сменить друг друга. Таинственный камень, сокрушивший истукана, символизировал Мессию, а образовавшаяся гора – Его вечное Царство на земле (Церковь Христову).

В своей книге (являющейся частью Библии) пророк Даниил повествует о подвиге своих трех друзей, которые отказались поклониться золотому идолу (Мардуку), за что, по приказу царя Навуходоносора, были брошены в раскаленную печь. Но ангел Божий сохранил их невредимыми в огне.

Подробностей о деятельности пророка Даниила в течение семи лет царствования трех преемников Навуходоносора не сохранилось. В первый год правления Валтасара, сына Навуходоносора на этом посту, пророк Даниил имел видение о четырех царствах, после чего он увидел Бога в образе «Ветхого Днями» и грядущего к нему «Сына Человеческого», т.е. Господа Иисуса Христа.

В своей книге Даниил записал несколько пророческих видений, относящихся к концу мира и ко второму пришествию Иисуса Христа. По своему содержанию его книга имеет много общего с Откровением святого Иоанна Богослова (Апокалипсисом), завершающим Библию.

При Данииле во время царствования Валтасара Мидийский царь Дарий завоевал Вавилон (539 г. до Р. Х.), тогда же погиб и Валтасар. Сбылось предсказание Даниила, объяснившего значение надписи на стене, сделанной таинственной рукой: «Мене текел упарсин» (ты ничтожен, и твое царство поделят мидяне и персы).

При Дарии Мидийском Даниил занял важный правительственный пост. Завидуя Даниилу, языческие вельможи оклеветали его перед Дарием и добились, чтобы Даниила бросили на съедение львам. Но Бог сохранил своего пророка невредимым. Разобравшись в деле, Дарий повелел подвергнуть клеветников Даниила такой же казни, и львы моментально растерзали их. Вскоре Даниил получил откровение о семидесяти седмицах, в котором указывалось время первого пришествия Мессии и основания его Церкви.

В царствование Кира Даниил остался в том же придворном звании. Не без его участия в 536 году царь Кир издал указ об освобождении евреев из плена. Согласно преданию пророк Даниил показал Киру предсказание о нем в книге пророка Исаии, который жил за двести лет до этого.

Пораженный пророчеством, царь признал над собой власть Иеговы и повелел евреям построить в честь него храм в Иерусалиме. При этом же царе Даниил был снова спасен от смерти, которая угрожала ему за умерщвление дракона, обожествлявшегося язычниками.

В третий год царствования Кира в Вавилоне Даниил удостоился получить откровение о дальнейшей судьбе народа Божия и четырех языческих империй. Предсказания Даниила о гонениях на веру относятся к гонениям Антиоха Епифана и одновременно к пришествию антихриста. О последующей судьбе пророка Даниила ничего не известно, кроме того, что он скончался в глубокой старости. Его пророческая книга состоит из 14 глав. Господь Иисус Христос в своих беседах с иудеями дважды ссылался на пророчества Даниила.

Местами захоронения Святого Даниила были сам Вавилон и город Сузы (в настоящее время город Шустер). Считается, что Тимур перевез часть останков Даниила, а именно его руку, в Самарканд. Над местом захоронения был построен прекрасный мавзолей, который перестроили в начале XX века. Рядом с мавзолеем расположен водный источник с невероятно вкусной водой, которая является святой. Каждый, кто захочет ступить к мавзолею, должен испить этой воды и омыть открытые участки тела. Само место просто покоряет своим покоем и красотой, особенно в теплое время года, когда здесь много зелени, а в нескольких метрах от источника по реке Сиаб плавают лебеди.

Место давно стало объектом паломничества как местных жителей, так и путешественников со всего мира. В 1996 году прибывший в Самарканд Патриарх Московский и всея Руси Алексий II навестил мавзолей и освятил его. Говорят, что после этого близ мавзолея снова зацвело фисташковое дерево, считавшееся засохшим. Есть у местных жителей поверье: если загадать желания и завязать ленточку на этом древе, то они обязательно сбудутся.

Любопытный факт: многие паломники, прибывшие в это святое для православных религий место, используют зороастрийские традиции – обращаются с молитвой к останкам святого и повязывают тряпочки на растущие рядом деревья.

Аполлоний Тианский, проходивший сквозь время

Граница некогда могущественного Вавилона, пролегающая вдоль кромки огромной пустыни. Страж спрашивает высокого красивого грека:

– Какие дары принес ты царю?

– Все они – достойные, – отвечает грек.

– Ты полагаешь, что у нашего царя таких нет? – сердится страж границы.

– Они могут у него быть, но он не знает, как ими пользоваться, — смело сказал путешественник.

Его звали Аполлоний из Тианы.

Аполлоний Тианский

Несмотря на дерзость, ему было позволено перейти вавилонскую границу.

Аполлоний родился в Каппадокии, вероятно, в I веке н. э. Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, школьные учителя уже не могли обучать его, так как к этому времени подросток превосходил их по уровню развития. В возрасте шестнадцати лет он стал приверженцем философии Пифагора. Аполлоний исцелял больных и в течение шести лет хранил молчание. В правление императора Нервы (96—98 гг.) Аполлоний приехал в Рим, где приобрел репутацию мага, целителя, чудотворца и пророка. Он очищал города от язв и болезней; изгнал из Коринфа вампира; предотвратил чуму в Эфесе, уговорив жителей города закидать камнями духов, которые насылали эту болезнь; изгнал из Антиохии скорпионов, закопав в городе, во время специального магического ритуала бронзового скорпиона. Аполлоний также говорил, что умеет общаться с птицами на их языке. В шестнадцать лет он принял пифагорейские обеты и уединился в замке Эга. Слава о его мудрости и лечебных средствах распространилась так

широко, что в Каппадокии появилась поговорка: «К чему такая спешка? Торопитесь увидеть юного Аполлония?»

Однажды жрец из Дельфии принес с собой медную карту и сказал Аполлонию, что на ней показана дорога к городу богов. Вскоре Аполлоний из Тианы отправился путешествовать на восток. В Ниневии человек по имени Дамис предложил ему свои услуги в качестве проводника. (Рассказ о жизни греческого философа позднее был записан Филостратом по предложению византийской императрицы Домны.)

Вдвоем они преодолели трудный путь из Вавилона в Индию и повернули на север от Ганга в направлении Гималайского хребта. И так как путешествие продолжалось восемнадцать дней, можно предположить, что их целью был Тибет.

Когда греческий мудрец со своим преданным спутником приблизился к азиатскому Олимпу, стали происходить странные вещи: путь, по которому они совсем недавно прошли, внезапно исчез, ландшафт изменился, и двигались они теперь как будто во сне.

На границе этой удивительной страны их встретил мальчик, который объяснялся с ними по-гречески. Аполлония из Тианы представили правителю, которого Филострат именовал Иархасом.

Эта легендарная история изобиловала всевозможными чудесами. Там были источники, от которых столбы света поднимались вверх наподобие лучей прожектора; сияющие камни освещали город и превращали ночь в день. Затем Аполлоний и Дамис увидели, как люди становятся невесомыми и «плавают» в воздухе. А когда путешественники подсади к хозяйскому столу, трех- и четырехногие машины обносили гостей едой и напитками. Биограф Аполлония назвал их «самоперемещающимися, покорными воле богов...».

Удивительные достижения и интеллектуальное превосходство этой общины произвели на Аполлония такое впечатление, что, изумленный он лишь кивнул головой, когда правитель Иархас выразил словами очевидный факт: «Ты пришел к людям, которые знают все».

Согласно философу из Тианы, эти ученые люди «жили на Земле и в то же самое время не на ней»... Как следует понимать эту фразу – аллегорически или буквально? Если буквально, то значит, этот народ мог иметь связь с другими мирами, в особенности потому, что умел управлять гравитацией. В этом случае мы можем поверить и в слова Иархаса, что «Вселенная – живая вещь».

От этих людей Аполлоний получил задание. Он должен был захоронить некоторые талисманы (или магниты?) в местах, исторически значимых в будущем. Затем ему предстояло «расшатать» Римскую империю.

Греческий мыслитель прибыл в Рим в самый разгар тирании Нерона, преследовавшего философов, и вскоре был вызван на трибунал. Когда обвинитель разворачивал свиток с обвинениями против Аполлония, этот свиток невероятным образом растворился в воздухе. А без улики Аполлонию из Тианы нельзя было предъявить никакого обвинения, и его освободили. С этого дня римскими властями начал овладевать суеверный страх перед мудростью человека из Тианы...

Император Веспасиан настолько благоволил к нему, что сделал своим советником. А император Тит однажды сказал ему: «Я действительно взял Иерусалим, но ты, Аполлоний, взял в плен меня».

Во время правления Домициана он был обвинен в антиримской деятельности. На суде Аполлоний с презрением смотрел на императора; он знал его, когда тот был еще мальчиком. Патриции возбужденно перешептывались, припоминая странные вещи, которые происходили на трибунале Нерона. Глядя императору Рима в лицо, Аполлоний взмахнул своим плащом и произнес: «Вы могли бы содержать под стражей мое тело, но не душу. Впрочем, мое тело тоже вам неподвластно!» Вслед за этим он исчез во вспышке света; свидетелями тому были сотни людей, находившихся в зале дворца.

История не сохранила даты смерти греческого мыслителя. Известно только, что столетний Аполлоний направляется в Эфес; а затем его следы теряются. Аполлоний пользовался огромным всеобщим уважением. Септимий Север, который управлял Римской империей с 193 по 211 год н.э., поместил статую греческого мыслителя в своей гробнице вместе со статуями Иисуса Христа и Орфея.

Пребывание Аполлония в неведомой стране на Тибете, где он учился у тех, «кто знает все», представляет собой огромный интерес. (Если, конечно, допустить возможность реальности происходившего.)

Антигравитация, световые лучи, появляющиеся и исчезающие картины мира... Снова возникает образ таинственной Шамбалы.

Никто сегодня не имеет права отказать в истинности свидетельствам Филострата, который использовал многие не дошедшие до нас источники информации в Византии, во всяком случае, в большей мере, чем Геродот, Вергилий, Плутарх или любые другие мыслители античного мира.

Но кем же все-таки был Аполлоний?

Кто знает, как сложилась бы наша жизнь, уцелей от огня Александрийская библиотека с бесценными древними книгами. Быть может, сегодня мы смотрели бы на мир совершенно иными глазами; узнали бы все об Аполлонии...

В конце III столетия Перокл в особом сочинении противопоставил Аполлония Иисусу и всей евангельской истории, что в новейшее время делали Вольтер и другие. Сочинение Перокла потеряно и известно нам только из возражения, написанного Евсевием. Сочинения Аполлония также не дошли до нас, за исключением 85 писем, которые, впрочем, тоже не являются подлинниками: письма эти содержатся в «*Collectio epistolarum Graecorum*» (Венеция, 1499, 1606), а также в изданных Олеарием сочинениях Филострата (Лейпциг, 1701). По рассеянным сведениям, зачастую похожим на легенды, старший Филострат составил в начале III века по приказанию Юлии, супруги Септимия Севера, биографию Аполлония в восьми книгах.

Иоганн из Иерусалима: видения и жизнь

Примерно тысячу лет назад близ монастыря бенедиктинцев в Везеле родился ребенок, которого окрестили именем Иоганн. История его жизни на протяжении столетий была известна лишь посвященным, которые из поколения в поколение передавали писания человека, ставшего монахом. Это позволило им избежать некоторых несчастий, благодаря чему книга пророчеств – чаще упоминаемая некоторыми посвященными с XIV столетия как «тайные протоколы» – вновь возникла из небытия, и имя Иоганна из Иерусалима стало передаваться из уст в уста.

В Иерусалиме Иоганн написал книгу пророчеств

В этом отношении он похож на Нострадамуса, астролога из Прованса, который, как считают некоторые ученые, тоже принадлежал к посвященным. То, что Нострадамус знал об Иоганне из Иерусалима и его предсказаниях, наверняка не является случайностью.

Только слепые и недальновидные люди, которые не умеют объяснить высшую закономерность событий, могут утверждать обратное.

Представляется, что настоящее открытие «тайных протоколов», объясняющее таинственную необходимость, определяющую порядок вещей, по-настоящему еще не состоялось... Но время это настало сейчас – в начале третьего тысячелетия. 2000 год – это порог, который перешагнул Иоганн из Иерусалима: его пророчества относятся к захватывающему и беспокойному XXI веку, который можно условно сравнить с XI столетием. «Когда придет тысячелетье за нынешним тысячелетием вослед...» – так писал пророк в своих «тайных протоколах».

Мы только что жили в том же тысячелетии, что и он, – мы удалились от Иоганна всего на несколько шагов. Поэтому определенно была необходимость того, чтобы эта книга пророчеств внезапно появилась из глубины веков, во тьме которых было погребено имя Иоганна из Иеру-

салима. Если бы не этот неизвестный людям закон, то книга пророчеств могла бы исчезнуть из памяти и библиотек, как безымянное зернышко среди миллиардов зерен знаний, которые накоплены человечеством за тысячелетия.

Иоганн из Иерусалима принадлежал к тем людям, которым был дан дар познания истинной сути вещей и которые умели переходить границы времени, чтобы исследовать будущее или прошлое. Для них время не течет непрерывно, как вода в реке, оставаясь непостижимым. Для посвященных время – это море, в котором они могут открывать глубины, доплывать до противоположного берега, которое они могут изображать на карте, изучив все его течения.

Как постиг Иоганн из Иерусалима это искусство познания, эту науку о времени, которая дает возможность предсказывать?

Рукопись XIV века, которая долгое время находилась в Троице-Сергиевой лавре в Сергиевом Посаде, – наверное, первая, в которой пророчества называются «тайными протоколами», – в двадцати строках дает неясный портрет Иоганна из Иерусалима.

О его внешности ничего не говорится. Иоганн упоминается как «самый смелый среди смелых» и как «святой среди святых». Там говорится, что он «может читать и внимать небу» и что «он был глаз и ухо, которыми видят и слышат силы Божьи».

Таким образом, Иоганн из Иерусалима был посредником... Взгляд его обнаруживал скрытое устройство мира, черты, которые вели от временной точки в прошлом или настоящем в будущее и складывались в карту третьего тысячелетия.

Иоганн рос в Бургундии, где располагались огромные монастыри. Быть может, он впитал знания от «земли властителя, страны черных лесов и светлой веры, где проблески надежды проламывают дьявольские заросли», как сказано в рукописи, где говорится о Иоганне из Иерусалима?

То, что он был крестьянским сыном, маловероятно. Был ли его отец одним из тех феодалов, которые жили в окутанных облаками и туманом горных вершин каменных башнях? Эти рыцари, многие из которых отправились в Крестовые походы, заботились о везельском монастыре бенедиктинцев, основанном в 864 году Жираром де Русийоном, одним из главных вассалов короля Лотара II.

Подробности о детских годах Иоганна из Иерусалима неизвестны. Если он и писал о них, то эти тексты утрачены. Возможно, они ждут своего часа, подходящего момента для появления на свет, сокрытые до поры до времени в монастыре на горе Атос, где-нибудь в скальной пещере или в укромном уголке грота.

Вероятно, родители Иоганна совершали паломничество в монастырь Сантьяго-де-Компостелла. Судьба назначила так, что Иоганн родился рядом с Везелем. Впоследствии он почти все время проводил в монастыре бенедиктинцев, который, как считалось, владел мощами Святой Марии Магдалины.

Во всяком случае, везельские бенедиктинцы считали его своим, а в одной из их рукописей идет речь о «Иоганне из Иерусалима, сыне монастыря, дите Бургундии, воине Христовом на Святой земле». Однако после XIV столетия его имя, которое до тех пор регулярно упоминалось, нигде больше не появлялось, кроме рукописи, найденной в Сергиевом Посаде. В ней используется выражение «тайные протоколы». Создается впечатление, что опасно было ссылаться на Иоганна из Иерусалима и его писания. Верно, что Иоганн из Иерусалима был одним из учредителей ордена тамплиеров (храмовников). Известно также, что власть рыцарей этого ордена к началу XIV столетия настолько усилилась, что они подверглись преследованию французского короля Филиппа Красивого. Потому-то и было опасно упоминать имя Иоганна из Иерусалима. Как утверждают многие хроники, он был седьмым из восьми рыцарей, объединившихся в 1119 году вокруг Гуго из Пайена из провинции Шампань, чтобы основать орден тамплиеров.

Иоганн из Иерусалима умер вскоре после этого события, вероятно, в 1119 или 1120 году. В хронике говорится об этом: «Его призвал Господь, когда он дважды был отмечен цифрой печати». Из этого можно сделать вывод, что ему к тому времени было 77 лет. Цифра 7, седьмая печать, символическое число, которому посвященные приписывают такое большое значение, совершенно четко определила участь Иоганна из Иерусалима. Если исходить из того, что он умер в 1119 году, значит, он родился в 1042 году, в первой половине XI столетия. В ту эпоху все предсказания были связаны с роковой датой – 1000 годом, даже если она не была зафиксирована с абсолютной точностью, с которой сегодня ведется летосчисление.

Поскольку «самый смелый среди смелых» принимал участие в захвате Иерусалима в 1099 году, он какое-то время прожил в городе Христа. В этот период он и составил книгу пророчеств.

Рукопись, найденная в Сергиевом Посаде, сообщает, что Иоганн из Иерусалима часто уходил в пустыню, чтобы размышлять, молиться и медитировать. «Он был там, где небо встречается с землей». Наверное, этими словами описывается экстаз, который переживают посвященные, когда, лежа на земле, они принимают на себя энергию Луны, звезд и Земли. Они становятся частью земной коры, и Земля сообщает им свои мощные энергетические потоки. Они погружаются в небо, и звезды пронизывают их своим сиянием. Именно там, где «небо встречается с землей», они, как посредники, как существа с двумя лицами, как Янус, равным образом обращены к небесному и материальному.

«Иоганн из Иерусалима, – гласит рукопись, – знал тело Человека, Земли и Неба, он мог следовать тропами, ведущими к тайнам этих миров».

Иоганн был врачом и одновременно астрологом или астрономом. И в этом отношении он является предшественником Нострадамуса – тот тоже лечил людей и наблюдал за небесными телами. Иоганн входит в ряд великих посвященных, мудрецов и прорицателей древности, которые еще не разделили дух и разум, как сегодня делают это люди, искусственно разделяющие такие понятия, как интуиция, пророчество, предсказание, знание и познание.

В Иерусалиме монах и воин, пустынный отшельник, мыслитель и посвященный при встречах с иудейскими раввинами, мусульманскими мудрецами и другими посвященными мог узнать многое из сокровенного... Там он мог познакомиться с эзотерической философией греков и иудейской каббалой, таинством алгебры и скрытым значением цифр.

Он читал святые книги и во время своего отшельничества в пустыне, по всей вероятности, установил контакт с гностическими сектами, отдельные из которых в рамках культа святых прошли обряд таинства Познания. Они существовали еще до Христа.

Так жил и писал монах Иоганн, исследователь тайн устройства мира и времени – и это было определенно неслучайно, – в Иерусалиме.

Иерусалим является одним из символических центров вселенной. В нем соединяются спиритические силы, находится огромное скопление руин великих храмов, могил посвященных; в этом древнем городе берут начало религии мира, а хранилища святых текстов являются источниками сильной энергетики.

Здесь Иоганн не мог сделать ни шага без того, чтобы не обнаружить следы своих предшественников, которые вели к местам жертв и мук, медитации и святым местам. Под звездным небосводом Востока, в этом центре Познания, где люди постигали пророчества и законы, Иоганну из Иерусалима открывались будущие времена. Его книга пророчеств – настоящие «тайные протоколы», дневники, в которых он записывал знание, полученное в то время, когда он открывался неземным силам и ритмам времени.

Понятно, что все те, кто в течение столетий читал эту книгу пророчеств или только прикоснулся к ней, испытали благоговейный ужас, чувствуя, что перед ними разверзается пропасть. И они не скрывали этого, когда передавали книгу из рук в руки. Люди были не способны разрушить установившийся порядок передачи знаний – это было бы кощунством. Большин-

ство из них думали – и некоторые писали об этом, – что «тайные протоколы», если пробьет их час, внезапно появятся сами собой. И вот это произошло.

С большой долей вероятности можно утверждать, что Иоганн из Иерусалима – как посвященный и духовный человек, пером которого «руководили» видения из будущего и собственная интуиция, – составил свою книгу пророчеств в Иерусалиме незадолго до смерти.

Когда он вместе с рыцарями-крестоносцами подходил к стенам Святого города, то был уже старым мужчиной. Если принять во внимание факт, что родился он в 1042 году, то ему было семьдесят пять. В XI столетии рыцарь такого почтенного возраста – случай необычный. Как старый Мастер он неизменно пользовался авторитетом и уважением.

В рукописях монахов из Везеля о нем идет речь как об одном из старейшин аббатства. В течение жизни Иоганн несколько раз был вынужден покидать монастырь – факты его поездок зафиксированы, – чтобы идти в Сантьяго-де-Компостелла. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что Иоганн дошел до Рима и несколько месяцев, а может и лет, провел там. Другие же считают, что он жил в Византии и там присоединился к колоннам крестоносцев. О его пребывании в Византии нет достоверных сведений, но вполне вероятно, что он все-таки жил там какое-то время. В Византии он мог начать свою учебу, познакомиться, изучая греческий язык, с текстами античных философов и писателей. Считается, что он исходил и объездил всю Византийскую империю и Среднюю Азию. Так ли это на самом деле? Во всяком случае, ему были известны все тайны сознания и медитации, которые принесли крестоносцы в Иерусалим в 1099 году.

И все же Великим посвященным и астрологом (хотя сегодня при этом слове многие морщатся) он стал только в Святом городе.

С 1117 по 1119 год он пишет в Иерусалиме книгу пророчеств и, как раз в эти годы, принимает участие в создании ордена тамплиеров. Эти два события тесно связаны между собой.

Иоганн из Иерусалима, кажется, очень быстро заметил, что близится конец Восточной Римской империи. Он пишет: «Мужчина, себя королем возомнивший, забудет о буре песчаной, а буря глаза ослепит и засыплет и станет его разрывать на части; большие и самые толстые стены не выдержат жалких песчинок, коль будет их так, как в пустыне; покроют собой они камни и всадников на лошадях».

Целью основания ордена тамплиеров, моральным вдохновителем и провидцем которого он стал, было: «песку» противопоставить силу Армии Веры. Белую накидку рыцари ордена переняли от монахов Сито, монастыря-обители ордена цистерцианцев (бернардинцев), который обосновался в Бургундии и из которого вышел и сам Иоганн из Иерусалима. Известно, что Бернар Клервоский, святой Бернар, сконцентрировав все свое влияние на ордене цистерцианцев, поддержал на I Латеранском Соборе 1123 года тамплиеров. К тому времени Иоганна из Иерусалима не было на свете уже десятков лет, и книга пророчеств была известна только немногим людям.

Предполагают, что Иоганн из Иерусалима шесть раз переписывал рукопись сам или отдавал ее на переписку. Поэтому должны существовать семь экземпляров (списков) книги пророчеств (здесь снова появляется символическая цифра «семь»).

Три экземпляра текста он доверил Великому мастеру ордена тамплиеров, Гуго из Пайена, и тот обещал передать их Бернару Клервоскому.

Другие четыре экземпляра Иоганн оставил у себя, вероятно, чтобы передать их тем мастерам познания, которые дали ему ключи к таинствам будущего.

Исследовать пути, которыми прошли эти семь экземпляров книги пророчеств до сегодняшнего дня, значит рассказать историю мира за тысячу лет. Сделать это не просто, так как рукописи Иоганна из Иерусалима иногда исчезали из поля зрения на целые столетия, прежде чем снова внезапно появиться в совершенно других местах и у новых владельцев. Прежде чем

рассказать о том, какими путями книга, которая публикуется только теперь, дошла до нас, следует коротко упомянуть о других экземплярах, ибо каждый из них имеет совершенно особенную и замечательную судьбу.

Книга пророчеств – это не простая рукопись; каждый, кто держал ее в руках на протяжении столетий, чувствовал, что это фундаментальный труд. В этой книге даются толкования человеческих судеб, а также, для тех, кто готов к восприятию подобных материй, открывается панорама будущего тысячелетия.

Поскольку Великий мастер ордена тамплиеров Гуго из Пайена много лет общался с Иоганном, ему должно было быть ясно назначение трех экземпляров книги, которые он получил. Вероятно, ему казалось странным, что речь в них шла о третьем тысячелетии, когда только начиналось второе и люди не успели опомниться от ужасов первого. И все же тому, кто посвятил свою жизнь вере и укреплению христианского государства, рукописи могли показаться актуальными и имеющими отношение к приближающемуся будущему. Что такое тысяча лет для того, кто проник в вечность?

Мы уверены, что Гуго передал три экземпляра книги пророчеств Бернару Клервоскому уже в двадцатые годы XII века!

Бернар был занят строительством ордена цистерцианцев и одновременно состоял советником папы римского. Бывший монах-цистерцианец благодаря заступничеству Бернара в 1145 году сам даже стал папой Евгением III. Этот факт говорит о том огромном влиянии, которое имел Бернар на жизнь Церкви.

Таким образом, один из экземпляров книги пророчеств был привезен в Рим, и есть все основания полагать, что он до сих пор находится в архивах Ватикана. Кардинал Маджори, один из ближайших советников папы Иоанна Павла II, заявил однажды, что его святейшество свое представление о будущем соотносит с традиционными писаниями, происходящими из глубины столетий. Нет никаких сомнений, что он намекал на «тайные протоколы», относящиеся к рукописям, которые каждому новому епископу показывают по его выбору.

Второй экземпляр книги Бернар передал в монастырь Везеля, где она сохранялась многие десятилетия. В конце концов она исчезла во времена преследования тамплиеров, которое учинил французский король Филипп Красивый в начале XIV века.

«Бернар Великий сообщил нашему обществу мысли Иоганна из Иерусалима, нашего сына», – написано в одной из хроник монастыря, посвященной призыву Бернара Клервоского ко Второму крестовому походу.

Третий экземпляр (точная дата неизвестна) попал в руки легистов – юристов французского королевского двора. Может быть, он был передан им каким-то монахом после смерти Бернара, которая случилась в 1153 году в Клерво? Во всяком случае, книга стала – и в этом мы уверены – одним из «доказательств», которые представлялись во время организованного Филиппом Красивым судебного процесса против ордена тамплиеров обвинителями со стороны короля. После того как в 1307 году были арестованы Великий мастер ордена Жак де Моле и шестьдесят рыцарей ордена, а их владения и рукописи были конфискованы, «тайные протоколы пророчеств» (это название возникло только в XIV веке) были представлены как «сочинения дьявола» и доказательство того, что тамплиеры состоят в связи с «силами зла».

Обвинители мало интересовались тем, что Иоганн из Иерусалима говорит о третьем тысячелетии. Для них, если он описывает будущее как «ад», значит, он подчиняет людей «воле зла». К этому добавлялись другие отвратительные преступления, в которых обвиняли тамплиеров (ритуальные убийства, содомия, ересь, взяточничество и т.д.): они – «солдаты дьявола, рыцари зла», и в протоколе суда фиксировались доказательства этого темного сговора. Рукопись Иоганна из Иерусалима, которая попала в руки французского суда, сыграла, таким образом, фатальную роль в судьбе ордена, одним из основателей которого был он сам.

Но дальше все выглядит еще более странным. Врач и астролог Мишель Нострадамус более двух столетий спустя, примерно в 1550 году, опубликовал два тома своих предсказаний под названием «Центурии». Когда он составлял их, то имел под рукой рукопись Иоганна из Иерусалима. Связь между Екатериной Медичи и провансальским астрологом была настолько тесной (она назначила его лечащим врачом Карла IX), что та доверила ему «тайные протоколы». Нострадамус – это очевидно, если сравнить оба текста (Иоганна из Иерусалима и Нострадамуса), – вывел из них собственные предсказания.

Этим он нарушил тайну, время раскрыть которую тогда еще не пришло. Силы, которые он освободил таким образом, направились против него самого: его сын Мишель Нострадамус Младший был убит и сожжен возмущенными людьми после того, как поджег городок Пузен близ Привы в Севеннах. Он хотел доказать, что был прав, когда предсказывал разрушение города огнем. Третий экземпляр «тайных протоколов» исчез вместе с Мишелем Нострадамусом Младшим. Вероятно, его бросили в костер вместе со лживым сыном кощунствующего отца.

Известны еще четыре экземпляра рукописей, причем так и не установлено, какой из них – оригинал. Их также невозможно отличить от копий, которые были выполнены самим Иоганном из Иерусалима или по его указанию. Похоже, что все семь экземпляров вышли из-под пера самого Иоганна. Досадно, что нельзя сравнить отдельные рукописи друг с другом, чтобы узнать о возможных различиях их текстов. Быть может, это оригинал одного из двух экземпляров из четырех еще не найденных.

Один экземпляр Иоганн передал Мастеру с Востока, который во время поездки останавливался в Иерусалиме. Такие «научные командировки» предпринимали с античных времен «посвященные мудрецы» Тибета к берегам Ганга, а оттуда – к Средиземному морю. Во второй половине своей жизни они отправлялись в путь к чистым высотам медитации и заканчивали свое совершенствование в молчании и неподвижности, отказываясь от беспокойства мира и движения, присущего живым существам. Таким путем одна из рукописей Иоганна из Иерусалима попала в Азию. Куда именно – неизвестно, и об ее участии ничего определенного сказать нельзя.

О втором исчезнувшем экземпляре мы знаем только то, что несколько десятилетий он находился в архивах Византии. Задолго до крушения Восточной Римской империи, в 1453 году, он был передан, возможно, по воле Иоганна из Иерусалима, греческому монаху, одному из тех отшельников, которые, как птица, «выют гнезда» высоко в скалах и, таким образом, находятся как бы на наблюдательном посту веры, высоко над людскими страстями и рядом с небом.

Может быть, эта книга пророчеств еще находится в одной из ниш между небом и землей на горе Атос? Может быть, и другие рукописи Иоганна из Иерусалима, о которых мы еще не знаем, скрыты в архивах? Определенного ответа на этот вопрос сегодня нет. С помощью рукописи XIV века, найденной в Троице-Сергиевой лавре, можно было бы, хотя сведения и крайне скудны, проследить путь каждой отдельной рукописи Иоганна с самого начала. В ней есть также свидетельство того, что в Византии находилась вторая рукопись с заголовком «тайные протоколы пророчеств». В более позднем тексте XVI столетия монахи упоминали, что эта ценная рукопись по случаю попала в их монастырь (лавуру). Здесь «под защитой веры нашли себе убежище люди с письменами, в том числе с «тайными протоколами», которые сообщают о том, какая участь ждет людей, когда начнется тысячелетие, пришедшее на смену другому...».

О местонахождении шестого экземпляра рукописи Иоганна нет никаких сведений. Он исчез.

Все те, кто интересовался этим вопросом, придерживаются мнения, что в 1918 году рукопись была конфискована большевиками, когда во время Гражданской войны начались преследования и гонения на православную церковь, а затем утрачена.

Возможно, что конфискация архива Троице-Сергиевой лавры была произведена с целью изъятия именно «тайных протоколов», так как Иоганн из Иерусалима не предрекал, что третье тысячелетие станет временем триумфа коммунизма. Ленин же и его соратники видели успех общества, созданного по большевистской модели, уже в XX веке.

Конечно, мы далеки от мысли, чтобы выражать благодарность работникам НКВД, сохранившим (не специально для потомков, конечно!)) седьмой, и последний, экземпляр книги Иоганна из Иерусалима. Он находился в архивах КГБ, на Лубянке. «Тайные протоколы» были обнаружены при просмотре описей, в которые могли быть включены названия религиозных книг. Имя автора, вероятно, стало причиной того, что она находилась вместе с рукописями Русской православной церкви.

И все же седьмой экземпляр попал туда не из православного монастыря. Путь рукописи был зафиксирован с педантичной точностью, которой славились сотрудники НКВД. Книга была конфискована в Берлине, в бункере Гитлера. Это объясняет также и тот факт, что на ней обнаружены пометки на немецком языке, из которых следует, что «тайные протоколы» были найдены в 1941 году в Варшаве в одной из библиотек иудейской общины и были отправлены в Берлин. В архиве СС, в фондах которого они числились по описи, сначала хотели уничтожить книгу, но рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер лично принял решение передать ее для изучения специалистам по средневековой истории. Он знал о том, какую силу воздействия имел на Гитлера любой вид эзотерики (тайных сведений) и пророчества. Несомненно, Гиммлер внимательно изучил перевод, который приказал сделать, прежде чем передать фюреру рукопись Иоганна из Иерусалима.

Почерпнул ли что-либо Гитлер из «тайных протоколов»? Повлияли ли видения Иоганна из Иерусалима, касающиеся третьего тысячелетия, на его решения? Рассматривал ли он их в качестве вызова в свой адрес и считал ли себя тем, кто может нарушить порядок вещей и изменить последовательность событий?

Точно можно лишь сказать о том, что фюрер три раза собирал некоторых преданных ему лиц (в том числе Альберта Шпеера, своего министра), чтобы на спиритическом сеансе «вызвать» третье тысячелетие, ведь он намеревался создать тысячелетний рейх. В отличие от Гитлера Сталин мало интересовался мнением астрологов и предсказателей. Тем не менее некоторые из его соратников (например, Берия) «работали» с прорицателями, ясновидящими и гипнотизерами. Кстати, Берии докладывали, что в бункере Гитлера найдена таинственная рукопись XII столетия, в которой содержатся пророчества, касающиеся третьего тысячелетия. Ныне мир изменился. Однако по-прежнему люди гибнут в безумных войнах. Страх и ужас владеют душами людей точно так же, как и перед предыдущей сменой тысячелетий. В своих сочинениях Иоганн из Иерусалима часто цитирует Библию. Его видения так ясны, что не нуждаются в комментариях. В них символическим языком описывается современная жизнь и объясняется то, что мы, будучи слепы и глухи, не можем понять и высказать сами.

Матушка Шиптон: пророчества, попадавшие в «яблочко»

Всю осень и зиму небольшую йоркширскую деревушку Кнэйрсборо будоражили слухи: к вдове Агате Саутел навевается по ночам «некто» – козлоногий с раздвоенными копытами, козлиной бородою и рогами! Впрочем, что с нее взять: за вдовой давно уже ходила недобрая слава; она была известна своими пророчествами и умением ворожить. «То и дело что-нибудь каркает», – шептались односельчане. Может, и правда ходил к ней козлоногий, может – нет, но в июле 1488 года родила-таки Агата дочку.

Тот июль выдался на редкость нехорошим: что ни день случались сильные грозы, и деревенские жители были насмерть перепуганы невиданными ранее всполохами молний, а карканье ворон звучало, как никогда, зловеще. Многим даже чудились привидения и прочая нечисть. Нехороший, одним словом, был месяц. А ближе к концу его как раз и родила вдова Агата. Повитухи рассказывали потом, что ребенок не издал обычных для новорожденных звуков, а зловеще оскалится и издевательски захохотал. По другой версии, Агата сама издала странный и ужасный звук, а младенец закричал, как положено всем младенцам. Но обе версии едины в одном: с рождением ребенка мгновенно прекратилась буря, воронье утихло и в природе воцарились покой и благодать.

Матушка Шиптон

Что же касается бедной вдовы Агаты, то и здесь существуют две версии. По одной – она сразу после родов скончалась, по другой – вскоре после родов ушла в монастырь, бросив дочку на попечение чужих людей.

А что же Урсула, несчастная сирота? Ее было за что пожалеть: девочка была необыкновенно уродлива, как в младенчестве, так и в отрочестве. Представьте себе большие выпученные глаза (взгляд, правда, пронзительный и необычайно умный), длинный крючковатый нос, весь в огромных, разноцветных прыщах, к тому же светившихся в темноте. Местный шутник даже заметил как-то, что Урсуле ночью фонарь не нужен: «своим носом дорогу себе осветить может». Да и фигура у девчушки «подкачала» – вся какая-то согнутая и скрюченная. Одним словом, далеко не красавица. Жалели ее односельчане... до поры до времени.

Впервые девочка «отличилась» уже в годовалом возрасте. Однажды оставила ее опекунша в люльке одной дома, а сама отправилась на ярмарку. Вернулась женщина домой с дру-

зьями и... что тут началось! Мужчины «прилипли» к летающей кочерге и повисли в полуметре от пола, а женщины пустились по кругу в пляс... Только через час обессиленные гости и хозяйка пришли в себя. И тут они обнаружили, что младенец исчез. Поиски дали неожиданный результат: люльку с мирно спящей девочкой обнаружили в дымоходе на высоте четырех метров от пола!

Урсула росла, и в доме опекуны стали постоянно происходить всевозможные безобразия: двигалась и летала мебель, скрипели лестницы, а иногда прямо на глазах перепуганных гостей с тарелок исчезала еда. Никто не понимал, в чем дело, пока тихая и молчаливая девочка, которой к тому времени исполнилось уже 8 лет, не призналась, что делает это именно она, и продемонстрировала свои возможности, перепугав всех до полусмерти своими «фокусами». Именно с этого времени жалость к несчастной уродливой сиротке сменилась у односельчан чувством страха. Все решили, что девочка унаследовала от матери, а может, и от «козлоногого» отца, колдовские способности.

И со сверстниками отношения у девочки не складывались. Училась она в школе прекрасно, но чтобы помочь кому-нибудь – никогда. С годами ее потребность демонстрировать свои «дьявольские» способности стала просто неуправляемой. Бедные одноклассники буквально плакали от нее. Стоило им немного подшутить над Урсулой, как неведомая сила начала их щипать, пинать и валить наземь.

Неудивительно, что никто девочку не любил. И к двадцати годам высокая, со скрюченной, угловатой фигурой и уродливым лицом Урсула получила стойкое прозвище «Йоркширская ведьма».

Поэтому вся округа была просто шокирована, когда двадцатичетырехлетняя Урсула «подцепила» самого выгодного местного жениха – красивого и состоятельного плотника Тобиаса Шиптона (не иначе как приворожила). К этому времени за ней уже прочно закрепилась слава ясновидящей и пророчицы. Шли годы, Урсула рожала мужу детей и пророчествовала... К слову сказать, ни муж, ни дети в многочисленных летописях об Урсуле Шиптон практически не упоминаются. А после замужества величать ее стали матушкой Шиптон.

О ней много злословили и в родной деревне, и в округе, и вот наконец ее терпение лопнуло. Решив отомстить своим недоброжелателям, она собрала односельчан на вечеринку. Во время трапезы всех гостей внезапно охватил приступ хохота, потом их подняло над полом и вынесло из дома «гостеприимной» Урсулы. При этом каждого из гостей преследовал маленький гном!

Пострадавшие обратились в магистрат с жалобой, и ведьма предстала перед судом. Времена для ведьм были суровые: в начале XVI века, их как известно, сжигали на кострах. Так что перспектива у матушки Шиптон была хуже некуда.

Однако женщина не струсила. Она в красках описала судьям те беды и несчастья, что грозят им, если ее не оставят в покое, и судьи отступили. В одной из английских хроник того времени описывается следующее: после своего заявления матушка Шиптон крикнула: «Упдракси, вызываю Стиг-нициан Хэлуэй!» После чего явилось нечто в виде крылатого дракона и унесло ее из зала суда. Стоит ли сомневаться, что правосудие оставило ее в покое. Никем больше не потревоженная, матушка Шиптон продолжала пророчествовать.

Судя по всему, большая часть ее предсказаний приходится как раз на период ее семейной жизни. Пророчества сыпались из нее как из рога изобилия и касались, как правило, типичных для периода Контрреформации войн и бедствий, вспышек голода и событий местного значения. Например, в 1513 году матушка Шиптон предсказала, что войска Генриха VIII вторгнутся в Нормандию. Примерно в то же время она напроорочествовала страшный лондонский пожар, который произошел в 1666 году, и гибель «Непобедимой армады» испанцев («Деревянных коней, что с Запада придут, силы Дрейка в щепки разнесут»).

Интересовали ее и более «прозаические» вещи: например, она предсказала открытие для европейцев табака и картофеля в Новом Свете, женское освободительное движение в начале XX века и многое другое. Стоит сказать, что сама она умерла задолго до всех этих событий: в 1561 году она мирно почилла в своей постели в семидесятитрехлетнем возрасте.

Свои пророчества матушка Шиптон писала белым стихом, порой весьма запутанно и туманно. Так что ее будущим «биографам» пришлось немало потрудиться, прежде чем проникнуть в их смысл. Кроме того, ни одно пророчество не содержало точной даты, поэтому люди часто вспоминали о нем, когда событие уже происходило. Так, принц Руперт, когда случился пожар в Лондоне, воскликнул: «Сбылось пророчество Шиптон!»

Несмотря на абстрактность и завуалированность предсказаний матушки Шиптон, многие из них, как говорится, попадали «в яблочко». Так, знаменитый астролог XVII века Вильям Лилли в своем «Сборнике пророчеств» утверждал, что шестнадцать из восемнадцати приписываемых матушке Шиптон предсказаний к моменту написания им книги уже сбылись.

А в конце XIX века ее предсказания были вполне профессионально изложены в стихотворной форме английским писателем Чарльзом Хиндли. В этих стихах достаточно компетентно описываются многие технические изобретения, предугаданные пророчицей, а также войны и другие исторические события середины XIX века. Например, ее предсказание «... когда будет построен дом из хрусталя... развяжется война между турками и язычниками...» явно относится к Русско-турецкой войне, случившейся как раз после того, как в 1851 году в Лондоне для Всемирной выставки был построен павильон из стали и стекла, названный «Кристалл-пэлэс» – хрустальный дворец.

Считается, что пророчица предсказала Вторую мировую войну. В одном из ее стихов сказано, что ближе к середине XX века «...начнут замышляться крупные войны». Именно в это время Гитлер и его сателлиты действительно начали подготовку к войне.

А возьмем, например, такое пророчество:

Промчится голос над Землей стократ
Быстрее, чем стрела и даже взгляд...
И поплывет в морских глубинах челн,
Как шхуна в дерево, в железо облачен.
И золото добудут из ручья
В стране, которая пока ничья...
Когда картины оживут и прямо на людей пойдут,
Когда челны, как рыбы, поплывут,
Когда, как птицы, люди в небо полетят,
Тогда потоки крови полмира поглотят...

И кто станет отрицать, что оно исполнилось на все сто процентов! Ведь в стихах матушки Шиптон ясно «проглядывают» знакомые нам телефон, телевизор, подводные лодки, самолеты. А уж про потоки крови и говорить нечего... Однако самые чудные, странные и страшные пророчества «йоркширской ведьмы» адресованы даже не недавнему XX веку. Согласно некоторым ее рукописям, самые трудные испытания должны выпасть на долю человечества в далеком будущем. Далеком для нее, но, возможно, близком для нас с вами... Ведьма не поленилась старательно описать все зловещие симптомы надвигающейся бури:

Шторм взбороздит ревущий океан, во мгле
Восстанет Гавриил на Небе и Земле.
Смерть мира старого он протрубит в свой рог,
И миру новому придет рождаться срок.

И пламенный Дракон небесный свод пересечет
Шесть раз, доколе старый мир умрет.
Я слышу, как дрожащая Земля вскричала
От этих шестерых предвестников финала...
Горящий хвост Дракона – знак таков:
Паденье духа, всех людских грехов.
Пред тем, как все пророчество свершится,
Мой склеп сгорит, и дух освободится.

В другом ее пророчестве относительно Третьей мировой войны сказано, что причиной ее станет ситуация на Ближнем Востоке (можно сказать, совсем «горячо», не так ли?).

Правда, одно пророчество Шиптон пока не нашло подтверждения. Оно касается «нового человеческого рода» на новой суше, которая поднимется со дна морского. Скептик-ученый скажет, что это сильно смахивает на описание Атлантиды, о которой матушка Шиптон, образованная особа, вполне могла прочесть у Геродота. Но, согласитесь, еще никому, кроме этой ясновидящей, не приходило в голову, что легенда об Атлантиде – это не летопись прошлого, а воспоминание о будущем.

...И дом, и склеп матушки Шиптон сохранились до сих пор. Обе эти достопримечательности – одна из самых значительных статей дохода городка Кнэйрсборо, в который стекаются толпы туристов, дабы посмотреть на место упокоения знаменитой ведьмы. Особым вниманием туристов, и в первую очередь городских властей, пользуется, конечно, склеп, поскольку, как видно из пророчества, его разрушение является прямым указанием на последующие страшные события. Но пока могила цела и тщательно охраняется, нам, похоже, бояться нечего.

Мишель Нострадамус: человек, видевший конец света¹

При дворе французского короля Генриха II готовились к празднику. Собирались торжественно отметить сразу две свадьбы: сестра Генриха Маргарита сочеталась браком с герцогом Савойским, а дочь – с королем Филиппом Вторым Испанским. Украшением торжества должен был стать многодневный рыцарский турнир.

Мишель Нострадамус

Вечером третьего дня Генрих вызвал на бой молодого капитана шотландской гвардии графа Монтгомери. Схватка затянулась, ни один из противников не мог одолеть другого. Граф предложил королю ничью, но тот не согласился, требуя продолжения боя. Зрители, окружавшие поле, на котором проходил турнир, видели, что молодой капитан отказывался сражаться, но после того как король обвинил его в трусости, вновь вскочил в седло и взял в руки копье. Противники разъехались, а потом с криками понеслись навстречу друг другу. В центре поля кони встали на дыбы, и копье Монтгомери, пробив золотой королевский шлем, пронзило левый глаз Генриха II. Через десять дней король, так и не придя в сознание, скончался. Все это время рядом с повелителем находился скромный придворный медик – Мишель де Нотрдам (Нострадамус). Незадолго до похорон тело Генриха накрыли золотым щитом, на котором был изображен лев.

В этот момент кто-то вспомнил о странном предсказании, сделанном королю придворным медиком, использовавшим для лечения больных лекарства собственного приготовления и применявшим астрологические знания:

Молодой лев победит старого
На поле битвы в поединке.
Он пронзит его глаз
Через золотую клетку.
Затем старый лев

¹ По материалам Ю. Золотова.

Умрет страшной смертью.

Это предсказание вошло во вторую книгу «Столетий», которую Нострадамус подарил своему повелителю. Тогда на пророческие слова никто не обратил внимания. А среди придворных прошел слух о том, что Нострадамус – черный маг, который не столько предвидел, сколько наколдовал трагическую кончину монарха. Вскоре слухи вышли за пределы королевского дворца, и среди горожан начались волнения: люди сожгли портрет «колдуна» и требовали той же участи и для самого Нострадамуса.

Спас провидца лишь интерес к нему многих европейских правителей, которые мечтали иметь при своем дворе столь необычного человека. Весть об уникальных способностях Мишеля Нострадамуса преодолела границы Франции; о нем говорили уже во всей Европе. Однако необычный лекарь не спешил покидать пределы страны. Вскоре он уже предсказывал будущее мэру города Салона, чиновникам и даже простым обывателям. Свои предсказания он делал в состоянии транса, подолгу вглядываясь в сосуд, наполненный водой. На водной поверхности возникали одному ему видимые картины грядущего, которые он описывал в четверостишиях, или катренах. Эти катрены популярны до сих пор. В них почти нет точных дат, иной раз они поражают своей бессвязностью, часто бывают просто непонятны. Однако подобная манера изложения была вынужденным ходом: Нострадамуса и так неоднократно обвиняли в колдовстве, а высказанные и сбывшиеся пророчества могли привести его на костер. Кроме того, многое из того, что провидел Нострадамус, не могло найти понимания в XVI веке. Как, например, можно было описать для людей того времени танковую атаку, «увиденную» однажды предсказателем? Нострадамус предпочитал записывать все путано и туманно, считая, что потомки, для которых предназначен его труд, поймут его, а современникам эти откровения недоступны, поэтому и стараться для них незачем.

В 1555 году Нострадамус опубликовал книгу «Центурии», состоящую из десяти глав, содержащих по 100 катренов-предсказаний. В предисловии к книге он писал: «Долго я делал множество предсказаний, которые произошли в указанных мной местностях. Однако из-за возможности вреда, как в настоящем, так и в будущем, я предпочитал молчать. Но позже решил в загадочных и темных выражениях все же рассказать о будущих переменах человечества. Это – вечные пророчества, ибо они простираются от начала наших дней до 3797 года». И далее: «Лишь одному Богу ведома вечность света, исходящего от Него, но я хочу сказать всем, кому Он пожелает открыть Свое невероятное величие, что это тайна, являющаяся двумя путями: по звездам и через соучастие в божественной вечности». Конец света Нострадамус предсказывал именно в 3797 году.

Дар провидца открылся у Мишеля Нострадамуса не сразу. Он всегда интересовался астрологией и оккультными науками, изучал Каббалу, однако сами по себе эти занятия не гарантируют развития особых способностей. Первое откровение пришло к нему после сильнейшего потрясения. Во время эпидемии чумы умерли его жена и двое детей; его научные занятия были признаны ересью, и инквизиция тянула к исследователю свои «щупальца». Пришлось в течение шести лет скитаться по Франции и Италии, зарабатывая на хлеб целительством и предсказаниями.

Однажды он смиренно обратился к молодому незнакомому францисканскому монаху со словами «ваше святейшество». Прошли годы, и монах стал папой Сикстом V.

Современные толкователи катренов Нострадамуса уверены, что он предвидел атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки в 1945 году. «Вблизи залива два города, постигнет каждого жителя кара, подобной которой никто никогда не видел», – писал он.

Считается, что Нострадамус предсказал возвышение и падение Наполеона Бонапарта, в одном из катренов упомянул Гитлера, а в другом – великого французского микробиолога Луи Пастера (1822—1895).

А вот предугадать дату собственной смерти великий провидец не смог. Он умер в 1566 году. Его тело замуровали в церковную стену в вертикальном положении. В 1791 году несколько грабителей, надеясь раскрыть тайну пророческого дара Нострадамуса, потревожили его прах. Они собирались использовать череп Нострадамуса в качестве сосуда, в который бы наливали воду. Осквернители праха рассчитывали увидеть на водной поверхности пророческие картины. Когда захоронение вскрыли, взорам грабителей предстало невероятное: на груди скелета покоилась табличка с выгравированной датой осквернения могилы – 1791. Вскоре все осквернители погибли при загадочных обстоятельствах.

Прошли годы и годы, однако интерес к трудам Нострадамуса не иссякает. Все новые поколения стремятся ознакомиться с удивительными откровениями, представавшими перед духовным взором провидца. И вот что удивительно – каждому поколению действительно удается находить в катренах Нострадамуса нечто новое и очень важное для себя.

Джон Ди, владелец магического кристалла²

Сохранились сведения о каком-то зеркально отполированном черном кристалле, некогда принадлежавшем легендарной личности второй половины XVI века, Джону Ди. Об этом магическом зеркале, в частности, рассказывали манускрипты, одно время хранившиеся в библиотеке Котоньяна. Входило это зеркало в коллекцию редкостей, собранную неким Хорасом (Горацием) Уолполом из Строберри-хилл. Выглядело оно как кусок каменного угля великолепного черного цвета, прекрасно отполированный; обтесанный в форме овала, с ручкой из темной слоновой кости.

И хотя многие говорили, что это был именно уголь, большой уверенности в этом нет... Может быть, это был и какой-то другой минерал. В коллекции графов Питерборо это зеркало хранилось уже с настораживающей надписью: «Черный камень, посредством которого доктор Ди вызывал духов». Элайас Ашмол, автор диковинной и жутковатой книги «Химический театр», рассказывает об этом черном зеркале в восторженных выражениях: «При помощи сего магического камня можно увидеть всякое лицо, какое пожелаешь, в какой бы части света оно ни находилось, пусть даже скрывалось бы в самых отдаленных покоях или пещерах, что помещаются в недрах земных».

Известно, что ни в роду Питерборо, ни в роду Уолполов, страхась такой власти, никогда даже не пытались воспользоваться магическим зеркалом-кристаллом. Не делали этого сами и не позволяли другим, ревниво оберегая реликвию от посторонних глаз, опасаясь больших бед, которые могло бы вызвать чье-либо неуместное любопытство.

Джон Ди

² По материалам В. Правдивцева.

Но так уж случилось, что в 1842 году коллекция Уолпола была пущена по свету с молотка. При распродаже магический кристалл за двенадцать фунтов (по французским источникам – за 336 франков) купил человек, который предпочел остаться неизвестным. Несмотря на все предпринятые розыски, ни этого таинственного человека, ни черное зеркало Джона Ди найти так и не удалось.

Кто же такой этот легендарный доктор Ди, «магическое наследство» которого до сих пор будоражит воображение? О, это на самом деле была выдающаяся личность, о которой с трепетом и уважением говорят знающие люди и по сей день. А на рубеже XVI—XVII веков слава об этом ученом англичанине, подписывавшемся странным «Voo», распространилась по всей Европе. Дошла она даже до России, и его, в качестве научного советника, приглашал к себе русский царь; обещал огромное жалованье, роскошный дом и должность, которая сделала бы ученого, как было сказано в царском письме, «одним из наиболее значительных людей в России». Но по известным только ему причинам Джон Ди от столь заманчивого предложения отказался, как, впрочем, и от других, не менее лестных.

Итак, что же это был за человек, которого жаждали видеть при своем дворе монархии самых разных стран?

Он родился в Уэльсе и в семье придворного офицера короля Генриха VIII. В пятнадцатилетнем возрасте поступил в колледж Святого Иоанна в Кембридже, а затем продолжил образование в Голландии и Бельгии. Будучи еще юношей, этот современник Нострадамуса уже учил геометрии самого Карла V, императора Священной Римской империи, а в возрасте двадцати трех лет читал свои знаменитые лекции по математике в Париже.

Блистательный математик и астроном, крупнейший естествоиспытатель, знаток классической филологии и языков, рьяный собиратель и спаситель старинных рукописей, владелец одной из крупнейших в Европе личных библиотек, выдающийся философ, «идейный отец розенкрейцерства», провидец, человек, способный спать лишь два часа в сутки, – вот лишь неполный перечень качеств этой загадочной личности. Добавим к этому лишь то, что Ди считается прототипом шекспировского Просперо.

Когда Ди вернулся в родную Англию, ему не было и тридцати, но он уже слыл авторитетным ученым, и Мария I Тюдор назначила его королевским астрологом. Она только что взошла на престол и была в расцвете сил, но «доктор Ди» какими-то только ему ведомыми способами узнал, что править ей недолго: она скоро умрет, не оставив наследника. В беседе с Елизаветой, сводной сестрой королевы, Ди поделился своими соображениями и предсказал этой девушке, находящейся в немилости, в скором будущем: королевский трон. Двор кишел интригами, и о столь крамольных предсказаниях шпионы тотчас донесли королеве. Расправа была короткой: астролога бросили в тюрьму «за попытку подчинить жизнь монарха магии».

Два года провел ученый в заточении. И все же его предсказание сбылось: Елизавета вскоре взошла на трон. Безгранично доверявшая молодому ученому, она сразу же назначила его опять-таки королевским астрологом и даже дату своей коронации – 14 января 1559 года – выбрала в соответствии с его расчетами. Судя по всему, совет доктора Ди был точен: почти полувековое правление Елизаветы I было на редкость успешным. Оно сопровождалось расцветом искусств и науки, расширением торговых связей и географическими открытиями. И по сей день среди историков существует устойчивое мнение, что «Елизаветинский ренессанс» во многом обязан именно Джону Ди.

Елизавета тоже не оставалась в долгу. Она предоставила Джону Ди самые широкие возможности для научной деятельности. Пользуясь личным покровительством королевы, Ди немало сделал для своей родины. Изобретатель механических роботов и телескопа, он стоял у истоков науки морской навигации и применения в английской армии биноклей и подзорных труб. Одним из первых он предложил использовать солнечную энергию, сфокусированную с помощью огромного зеркала.

Джон Ди принимал участие в реформе григорианского календаря, написал учебник географии, предложил идею начального меридиана, известного сегодня как Гринвичский... Таков был масштаб этой незаурядной личности.

Но при такой кипучей деятельности Джон Ди жил еще одной – тайной – жизнью, о содержании которой мы можем лишь частично догадываться по сохранившимся личному и «спиритическому» дневникам, да еще – по автобиографическим трактатам. Вчитываясь в их строки, мы с полным основанием можем назвать мировоззрение этого замечательного человека причудливой смесью мистицизма и самой передовой, по тем временам, науки. Судите сами: наравне с сугубо научной и практической деятельностью он очень серьезно относился к оккультной философии и магии – как к мировоззрению, помогающему проникнуть в тайны бытия. Его фундаментальный философский труд «Иероглифическая монада» (Антверпен, 1564), по мнению исследователей тайных обществ и герметических учений, стал фактически идейной основой будущего розенкрейцерства.

Можно утверждать, что большую часть своего времени Джон Ди отдавал тайным наукам: кабалистике нумерологии, алхимии, астрологии, а также гаданию. Уделял он внимание и изучению свойств зеркал. Об этой области его исследований известно очень мало, и о достижениях Ди мы можем судить только по его же скудным записям (например, по такой: «Нетрудно изготовить зеркало, которое силой солнца, даже скрытого облаками, превращает в пепел все разновидности камня и металла») или по свидетельствам современников, которые утверждали, что в доме Джона Ди была какая-то камера для «зеркальных видений».

И все же чуть ли не главным увлечением всей жизни доктора Ди было изучение «магических» свойств кристаллов и искусство предсказаний с их помощью – кристалломантия.

Среди любопытных подробностей о различных магических кристаллах Джона Ди сохранились сведения о перстне с бериллом, в котором Ди мог вызывать образные видения не только у себя, но и у присутствующих. Предполагают, что кристалл в перстне был огранен особым способом, известным лишь самому Ди, – тем самым, о котором он намекает в своей знаменитой «Иероглифической монаде»: «Гранильщик бериллов сможет (с помощью монады. – *Авт.*) с высочайшей точностью узреть в кристаллической пластине все, что только есть на земле и в воде в подлунном мире...» История знаменитого перстня, так же как и магического черного зеркала, прослеживается до 1842 года, когда он был продан на аукционе таинственному незнакомцу. Дальнейшая судьба его тоже неизвестна.

Видное место среди «магических кристаллов» Джона Ди занимало зеркало из полированного обсидиана (вулканического стекла), привезенное испанцами из далекой Мексики. Судя по всему, это была настоящая реликвия, которую ацтеки некогда использовали для того же, что и Джон Ди, – для прорицаний. В пользу этой версии говорит, например, такой любопытный факт: имя всевидящего и всезнающего Тескатлипоки – бога вулканов и вулканического стекла обсидиана – в переводе обозначает «дымящееся зеркало».

Свойства обсидианового зеркала ацтеков были столь необычны, что сама Елизавета приезжала домой к своему учителю, чтобы познакомиться с этим магическим инструментом. По всей видимости, зеркало и на самом деле стоило такого внимания. Сохранились записи того времени, рассказывающие, что не расстававшийся с этим зеркалом Джон Ди наблюдал в нем за событиями, происходившими от него на больших расстояниях. Например, за тем, как подстрекаемая завистниками чернь сожгла его «колдовской» дом с уникальной коллекцией старинных манускриптов, редкостей и камерой для «зеркальных видений».

Стоически перенося утраты и гонения ученой и религиозной братии, Джон Ди никогда не терял интерес к своим исследованиям и всю жизнь продолжал эксперименты с магическими кристаллами и зеркалами. То и дело вглядываясь в их таинственные глубины, Ди иногда видел в них нечто, о чем мы можем только догадываться. Так, особо ему запомнился день 25 мая 1581 года; о нем осталась даже короткая дневниковая запись: «Я долго вглядывался в кристалл – и

наконец увидел». Что так потрясло Джона Ди, мы не знаем, но, может, именно об этом он писал в другом месте: «Это я искал многие годы, в разных землях, далеких и близких; я прочитал множество книг и выучил множество языков, я общался с разными людьми, я много трудился, чтобы увидеть хотя бы лучик истинного знания... Увидев это, я осознал, что мудрость не может быть достигнута усилиями человека, но лишь по Твоей воле (о Господь)».

Прошло полтора года, и в жизни Джона Ди произошло событие, исключительное по своим последствиям: он получил подарок от неземных существ. Это случилось в ноябре 1582 года. Во время вечерней молитвы, на фоне окна, в лучах заката, к нему «во всем величии» неожиданно явилось окруженное сиянием сверхъестественное существо – ребенок, которого Джон Ди впоследствии называл ангелом Уриэлем – «духом света». О чем они говорили, осталось тайной, однако известно, что «ангел» подарил ученому магический кристалл «величиной с яйцо, прозрачный и переливающийся всеми цветами радуги». Как пишет сам Ди, явившийся тут же его взору архангел Михаил с огненным мечом приказал: «Иди и возьми его, но пусть более ни одна живая душа не прикоснется к нему». К сожалению, у самого Ди видение посредством «камня ангела» получалось далеко не всегда, и потому он стал прибегать к помощи более способных к ясновидению помощников. Те, вглядываясь в кристалл, сообщали ученому все, что видели в нем, а Ди скрупулезно записывал. О том, как все происходило, рассказывал один из таких помощников, Эдвард Келли: «В середине камня находится маленькое круглое подобие вспышки света, которая кажется похожей на шар диаметром в тридцать дюймов или около того». Келли утверждал, что в блестящей сфере можно было наблюдать каких-то «духовных существ», которые сообщали для Ди весьма разнообразные сведения.

В течение всей оставшейся жизни – более четверти века – Ди не расставался с этим подарком. И тому были серьезные причины. Судя по дошедшим до нас сведениям, с помощью этого магического кристалла ученый мог не только проникать в другие миры, но и заглядывать в будущее.

По словам самого Джона Ди, от разумных существ нечеловеческой природы – девочки-эльфа по имени Мадина и «ангелов» с именами Аве и Рафаэль – он научился и загадочному языку. Произошло это после того, как однажды «ангелы» показали ему в кристалле какую-то таблицу с буквами, числами и символами. Это был очень странный алфавит, записи с помощью которого до сих пор вызывают живейший интерес исследователей. Ведь это самое удивительное изобретение Джона Ди, по существу, было первым известным в истории искусственным языком (а может, первым известным языком внеземных цивилизаций?). Сам Ди называл его енохическим – языком Еноха, на котором «говорят ангелы и обитатели Эдемского сада». Сегодняшние ученые считают его абсолютно завершенной системой с собственным алфавитом и грамматикой, совершенно не похожими ни на один человеческий язык.

До нас дошли фрагменты записей, сделанных Джоном Ди на этом таинственном языке. Исследователей поражает то, что они содержат математические знания, уровень которых значительно превышал существовавший в то время. Контакты с «ангелами» продолжались несколько лет, и все это время Джон Ди получал от них удивительные для того времени знания.

Самое поразительное, что этот волшебный камень не пропал, как это часто бывает с легендарными реликвиями. За четыре столетия он прошел через руки разных людей и сейчас хранится в Британском музее. Администрация не разрешает посторонним лицам ни пользоваться им, ни исследовать его...

Джонатан Свифт: невероятное предсказание в фантастической книге³

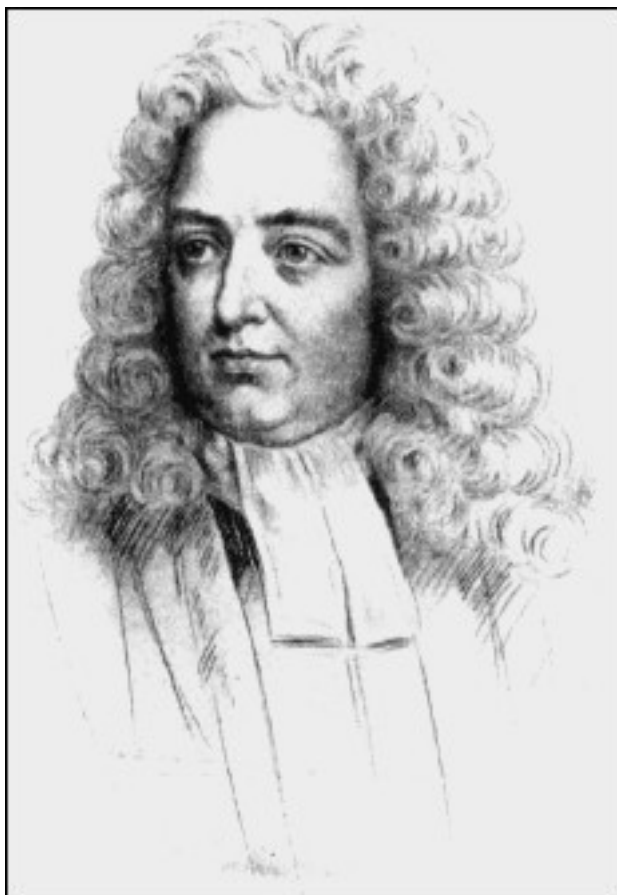
В 1678 или 1679 году на берегу реки мальчик – а это был Джонатан Свифт – удил рыбу. Клев был плохой, и Джонатан уже хотел сматывать удочку, как вдруг леска натянулась. Мальчик потянул ее – из воды показалась крупная прекрасная рыба. Но она сорвалась с крючка, вильнула хвостом и была такова.

Через много лет в своих автобиографических записках Свифт поведал: «Досада мучает меня до сих пор, и я верю, что это было предзнаменование для всех моих будущих разочарований».

Жизнь великого автора «Путешествий Гулливера» и множества других сатирических произведений трагична и содержит много тайн, клеветы, наветов и злопыхательств со стороны завистников и врагов. Одни мстили ему за то, что он жестоко их высмеял, другие – за то, что оставил слишком мало им в своем завещании, будучи к кому-то несправедлив. Кто-то рад был рассказать о Свифте как свидетеле какого-нибудь события, связанного с ним, хотя или события не было, или таковым не являлся. Из-за того, что он делал из своей жизни великую тайну и был мистификатором, после его смерти возникло много кривотолков. Свифт появился на свет через семь месяцев после смерти отца, английского судебного чиновника, 30 ноября 1667 года, в День святого Эндрю. Вскоре после этого его мать, Эбигейл Эрик из Лестершира, переехала из Англии в Ирландию, в Дублин. Вместе с ней в столицу Ирландии переехали ее братья, и вся семья поселилась в маленьком доме. Эбигейл с малюткой оказалась в убогой коморке.

Первые годы жизни Джонатану пришлось бы провести в грязи и нищете дублинских задворков, но случилось иначе. Его кормилице и няньке понадобилось ехать в Англию, чтобы повидать умирающего родственника в Уайтхевене, оставлявшего ее наследницей. Уезжая, нянька тайно прихватила с собой годовалого малютку Джонатана. До шести лет Свифт жил у нее в Англии. Она обучила мальчика азбуке, и, возвратившись к матери в 1673 году, он уже свободно читал Библию. Тогда же мать определила его в знаменитую среднюю школу в маленьком городке Килькенни, где обучались дети из лучших ирландских семейств.

³ По материалам В. Астаховой.

Писатель Джонатан Свифт

Мать Свифта вскоре вернулась в Англию, и содержание мальчика взял на себя его богатый дядя, родной брат матери, Годвин. В пятнадцать лет Свифт окончил школу и вместе с двоюродным братом Томасом поступил в Дублинский университет. После Оксфорда и Кембриджа это был знаменитейший университет с хорошо поставленным обучением литературе, древним языкам и главным образом – богословию. Студентов ожидала карьера священников. Обучение длилось шесть лет, и все эти годы Свифт находился на содержании дяди, не забывавшего напоминать ему о своих благодеяниях. Он много читал, пробовал писать, нередко кутил, за что получал многочисленные взыскания от начальства. Товарищи относились к нему с уважением, но без особой любви – его немного боялись; пугала острота и сарказм его суждений. Однако многим импонировала настойчивость его характера.

В университете произошел случай, определивший его дальнейшую судьбу. В 1685 году в большом зале университета, в присутствии профессоров, раздававших степень бакалавра искусств, странный, неловкий студент с голубыми глазами и сурово насупленными бровями, потерпевший уже один раз на экзамене по логике неудачу, вновь появился перед экзаменаторами, не пожелав, однако, познакомиться с учебниками.

Его спросили: как же сумеет он рассуждать, не зная правил логики? Он ответил, что сумеет рассуждать и без правил. Неслыханная наглость вызвала скандал. Он все же получил степень, но еле-еле, по «особой льготе», как было сказано в экзаменационном листе. Профессора разошлись «с улыбкой сострадания, сожалея о ничтожных способностях Джонатана Свифта». Таковы были его первые унижения и первый повод к возмущению против людей. Он учился лишь тому, чему хотел. Уже в семнадцать—восемнадцать лет Свифт знал себе цену и подчеркивал независимость своего мышления и характера.

Мать Свифта вспомнила, что она – землячка одной знатной дамы, жены сэра Уильяма Темпла, жившего в своем поместье в Шпине, и попросила ее о протекции для сына. В конце 1689 года Джонатан получил должность секретаря и чтеца сэра Уильяма, на полном содержании, с жалованьем в двадцать фунтов в год. Следующее десятилетие в его жизни связано с именем сэра Уильяма Темпла. Именно в этот период Свифт сделался великим гуманистом, самым свободным, наиболее реалистически и трезво мыслящим человеком своего времени.

В мае 1690 года он вернулся в Дублин, а в августе 1691 года он снова состоял при сэре Уильяме, но уже в Мур-Парке. Через год в Оксфорде он защитил диссертацию и получил степень магистра. Затем снова были Мур-Парк и дом сэра Уильяма, а после – поиски места священника в Ирландии. И опять он служил у сэра Уильяма вплоть до его смерти в январе 1699 года. Тогда он записал в своем дневнике:

«Он умер сегодня, 27 января, в час ночи, и с ним умерло все, что было хорошего и доброго среди людей».

Уильям Темпл, хранитель судебных архивов Ирландии, бывший посол в Голландии, дипломат, удалившись от дел, жил в своей усадьбе Мур-Парк близ Фаренхэма в Саррее. Король Англии высоко ценил сэра Уильяма Темпла, навещал старого друга и пользовался его советами в делах государственной важности. По одному из таких дел Свифт был направлен с докладом лично к Вильгельму III. Командировка требовала от Свифта немалых познаний и такта. Хорошо знакомый с историей Англии, Свифт постарался вкратце изложить королю суть дела, но старался он впустую: дурные советчики, которых всегда хватает возле трона, взяли верх. Так впервые Джонатан Свифт имел дело с королевским двором, и позднее он говорил своим друзьям, что это был первый случай из тех, которые излечили его от тщеславия.

Сэр Уильям знакомил своего секретаря с видными политиками, знаменитыми поэтами и литераторами. Там же, в Мур-Парке, Свифт начал писать. Когда ему было двадцать девять лет, наряду с торжественными одами он создал гениальное произведение «Сказку Бочки» (в понимании англичан – «пустая болтовня», «лапша на уши») – «произведение, написанное для совершенствования человеческого рода». У сэра Темпла была хорошая библиотека, помогавшая Свифту в самообразовании.

В Мур-Парке, прогуливаясь как-то с одним из друзей и увидев старый вяз, вершина которого высохла и была почти без листвы, Свифт сказал: «Я точно так же начну умирать с головы». Этому пророчеству суждено было сбыться. Когда ему было тридцать лет, его впервые посетила непонятная для докторов того времени болезнь, во время приступов которой он терял слух, испытывал сильнейшие головокружения, иногда – обмороки.

Симптомы необычной болезни, точное определение которой было дано лишь в конце XIX века – синдром Меньера, или «лабиринтин», – постепенно усиливались, приступы учащались. С начала 1730-х годов Свифт с ужасом стал замечать, что они имели следствием потерю памяти. Тогда-то и возникло убеждение, что последние годы жизни он проведет, пораженный слабоумием. Но до этого было еще далеко.

В имении сэра Уильяма Свифт познакомился с Эстер Джонсон. Она родилась в 1681 году, Свифт был старше ее на 14 лет. Мать Эстер была камеристкой леди Джиффард – сестры сэра Уильяма, а отец неизвестен. Однако было достаточно оснований для предположения, что девочка была незаконной дочерью сэра Уильяма. В детстве и отрочестве в Мур-Парке она находилась на особом положении, и в своем завещании сэр Уильям оставил ей значительную сумму, не упомянув ни словом ее мать.

Свифт дружил с маленькой Эстер, читал ей книги, подходящие ее возрасту, учил грамотно писать. Он сам был еще очень молод, нелюдим и одинок, и хорошенькая черноглазая Эстер, которую он переименовал в Стеллу, незаметно завоевала его сердце. Когда ей исполнилось семнадцать, а ему – тридцать один, их отношения приобрели иной характер, они полюбили друг друга.

В 1700 году Свифт поселился в Ирландии, в Ларакоре. Стелла поехала за ним и стала жить поблизости вместе с пожилой компаньонкой, в городке Тримере. Она знала, что Свифт не намерен сочетаться с ней браком. Это была нелепость, одна из свифтовских тайн; он вообще был противником брака, а она уважала его странности, понимая, что он не такой как все. В то же время внебрачная любовная связь представлялась ему нравственным уродством. Их отношения должны были оставаться платоническими, и никаких изменений здесь не предполагалось. Лишь когда он бывал в отъезде, она переселялась в его дом и вновь уезжала в Трим по его возвращении. Из Лондона он писал ей письма – 65 писем в виде дневника. Позже они были опубликованы под названием «Дневник для Стеллы». Из этого дневника она узнала, что и он подвержен обычным человеческим слабостям. «Дневник для Стеллы», охватывающий 1710—1713 годы, – это документ, отражающий политическую и литературную жизнь Англии начала XVIII века.

Свифт писал много блестящих сатирических памфлетов. И сейчас некоторые невозможно читать без смеха, например, пародийные предсказания от имени Исаака Бикерстаффа, высмеивающие астрологию. Свифт часто бывал в Лондоне, где в то время уже оформились две политические партии. Тех, кто поддерживал в борьбе за престол Карла II, противники окрестили тори – по имени ирландских полуразбойничьих отрядов мстителей. Тори в отместку стали именовать недругов вигиморами или вигами – так называли себя воинственные шотландские протестанты. Свифт поддерживал сначала одну партию, потом другую, а затем потерял доверие к обеим и потребовал отделения религиозных вопросов от политических. В статьях и памфлетах журнала «Экзаменер», издаваемом в 1710—1711 годы, в №23, написанном с партийных позиций вигов, прозвучала пародийная отповедь самому себе. 33 памфлета в «Экзаменере» посвящались политике, борьбе за прекращение войны за так называемое «Испанское наследство» и многому другому.

В Лондоне было около шестисот кофеен. В Сент-Джеймской собирались модники партии вигов, в «Кокосовом орехе» – представители партии тори. Были и две литературные кофейни. Некоторые из них посещал Свифт...

Высокий стройный человек в черной сутане с квадратным белым воротником вошел в кофейню. В отдаленном углу взял чашку кофе. Его смуглое лицо с прекрасным лбом казалось мрачным и темным, в тон нависшим над голубыми глазами густым черным бровям. Вначале он сидел молча и прислушивался. Но когда «пересыхал привычный ручеек веселого злоречья», в наступавшей тишине он начинал говорить как бы самому себе под нос:

– У нас совершенно достаточно религии, чтобы заставить друг друга ненавидеть, но так мало ее, чтобы побудить друг друга любить...

– Сердиться – это значит мстить самому себе за ошибки других...

– Люди с узкими душами – как бутылки с узкими горлышками: чем меньше в них содержится, тем шумнее содержимое выливается наружу...

– Развлечение – это счастье тех, кто не умеет думать...

– Я не встретил ни одного человека, который не умел бы терпеливо, как истый христианин, выносить несчастья ближнего своего...

...И снова тишина в кофейне. Кто-то пожимает плечами, кто-то смеется, а кто-то записывает. Человек в черной сутане расплачивается за кофе и уходит. Сам он никогда не смеялся над своими шутками.

Вскоре афоризмы Свифта стали повторять. Они были мгновенными разрядами душившей его тоски, боли и обиды за человека. В начале 1713 года Свифт покидает Лондон, чтобы занять пост декана собора Святого Патрика в Дублине. Но после смерти королевы Анны, в 1714 году, меняется политическая обстановка, и он снова нужен в Лондоне. И так почти всю жизнь – между Ирландией и Англией, то здесь, то там.

Придет время, и он станет кумиром народа Ирландии. Его обожали так, как только может обожать кумира самая суеверная страна в мире. Его портреты были выставлены на всех улицах Дублина. Приветствия и благословения сопровождали его всюду, где бы он ни проходил. Его мнения спрашивали по всем вопросам здешней политики вообще, и в особенности касательно ирландской торговли...

...1716 год. Библиотека дублинского архиепископа Кинга, одного из его друзей. В библиотеку вошел доктор Дилэни. Вдруг мимо Дилэни, не замечая его, вихрем пронесся Свифт с трагически-скорбным лицом и, не вымолвив ни слова, размахивая какой-то бумагой, выбежал из комнаты.

– Что здесь произошло? – спросил Дилэни.

Склонив голову, со слезами на глазах, архиепископ Кинг ответил:

– Сэр, вы только что видели перед собой самого несчастного человека на свете, но, заклиная вас, никогда не спрашивайте ни у кого о причинах его несчастья и ни словом не заикайтесь о том, что видели!

Однако Дилэни рассказал. Загадочная сцена произошла после того, как Кинг тайно обвенчал Свифта с Эстер Джонсон (Стеллой). Свидетелей не было. Не осталось и записи о совершении таинства брака. Брак был нужен для того, чтобы другая женщина – Эстер Ваномри (Ванесса, как называл ее Свифт), влюбленная в него и преследовавшая его, поняла наконец, что ее не любят. С ней он познакомился в Лондоне в 1709 году, и Стелла знала об этом с самого начала романа.

Дилэни в своих мемуарах объяснил, почему брак не был обнародован и остался в тайне. В день бракосочетания Свифт неожиданно узнал из хранившегося в Дублине документа, что он является незаконным сыном сэра Уильяма Темпла и, следовательно, сводным братом Стеллы.

Сэр Уильям перед смертью сделал Джонатана своим душеприказчиком, завещал ему публикацию своих сочинений, весь гонорар за них и кроме того небольшую сумму денег.

В апреле 1723 года Свифт отправился в свое обычное летнее путешествие по Ирландии, а в мае Ванесса умерла по неизвестной причине (возможно, она заразилась скоротечной чахоткой от своей сестры). За месяц до смерти она составила новое завещание, отменив прежнее, по которому значительная сумма завещалась Свифту, потребовала в завещании, чтобы была опубликована посвященная ей поэма «Каденус и Ванесса» и письма к ней Свифта. Это была месть оскорбленной несчастной женщины. Для Свифта Ванесса, себялюбивая и эгоистичная, умерла раньше, чем Эстер Ваномри.

...Январь 1728 года. Свифт у постели умирающей от чахотки Стеллы. Он склонился над ней и что-то прошептал. Она ответила четко и выразительно: «Слишком поздно...» Свифт вышел из комнаты. «Об этой сцене поведала потомкам Марта Уайтвей, помогавшая ему, больному старику, в последние годы его жизни. По ее уверению, слова Стеллы были ответом на предложение Свифта объявить наконец миру о заключенном в 1716 году их тайном браке.

В ночь после кончины Стеллы он написал о ней: «Дама, с которой я был интимно знаком в Англии и Ирландии, в этой суровой стране жила двадцать шесть лет, с восемнадцатилетнего возраста... Дама эта обладала лучшими человеческими качествами, каковые я когда-либо видел у мужчины или женщины». Стелла дожила до триумфа Свифта, до выхода в свет его «Гулливера», до его борьбы за свободу Ирландии и преклонения перед ним ирландцев. Выход в свет «Гулливера» окружен множеством тайн и загадок. Неизвестно, когда была написана книга и каков порядок написания ее частей. Очень долго не было доказательств, что «Гулливер» написан именно Свифтом. Рукопись, с которой было напечатано первое издание, не найдена. Сам Свифт никогда не заявлял прямо, что он – автор книги, появившейся в книжных лавках Лондона 28 октября 1726 года.

Как попала к издателю рукопись книги? Это стало известно почти через 200 лет, когда были опубликованы письма к ее издателю Бенджамину Мотте за подписью некоего Ричарда

Симпсона, в которых тот предлагал его вниманию записки своего кузена Лемюэля Гулливера. В темный осенний вечер у дома мистера Мотте остановился наемный кеб. Спустившись на звонок, он обнаружил на пороге своего дома сверток с «правдивыми записками» и пустую улицу.

Прошло немного времени, и все поняли, кто автор «Гулливера». С сентября 1726 по март 1727 года Свифт жил в Дублине в атмосфере потрясающего успеха. О невероятной популярности книги ему писали друзья из Лондона. А в Дублине в его честь устраивали уличные шествия и фейерверки, жгли костры. Зачем ему понадобилась мистификация с авторством? Чего он добивался, скрывая, что написал «Гулливера»? Какой смысл был в том, чтобы подбросить рукопись на порог дома издателя Мотте? Единственное объяснение – странности гениального человека. У каждого гения они – свои.

Прошло почти 10 лет после смерти Стеллы. По-прежнему Свифт много пишет. Одно из самых сильных его произведений – поэма «На смерть доктора Свифта». Он заканчивает эту веселую поэму шуткой, сообщая, что свое состояние завещал на создание госпиталя для идиотов и сумасшедших. Он разделил свой годовой доход, составлявший около полутора тысяч фунтов, на три части: одна шла на содержание деканата и личные расходы, другая откладывалась и в итоге составила около 12 тысяч, завещанных им на устройство госпиталя, а третья являлась благотворительным фондом – он раздавал деньги нищим.

В середине 1736 года здоровье Свифта ухудшилось, последние три года жизни он был лишен рассудка. Умер он в 1745 году в возрасте 78 лет.

В «Путешествиях Гулливера», написанных в 1720-м и изданных в 1726 году, в третьей части («Путешествие в Лапуту»), говорится о летучем или плавучем острове Лапуту, на котором среди прочих ученых живут астрономы. «Эти ученые большую часть своей жизни проводят в наблюдениях над движениями небесных тел при помощи зрительных труб, которые по своим качествам значительно превосходят наши. И хотя самые большие тамошние телескопы не длиннее трех футов, однако они увеличивают значительно сильнее, чем наши, имеющие длину в сто футов, и показывают небесные тела с большей ясностью. Это преимущество позволило им в своих открытиях оставить далеко позади наших европейских астрономов. Так, ими составлен каталог десяти тысяч неподвижных звезд, между тем как самый обширный из наших каталогов содержит не более одной трети этого числа. Кроме того, они открыли две маленькие звезды или спутника, обращающихся около Марса, из которых ближайший к Марсу удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, а более отдаленный находится от нее на расстоянии пяти таких диаметров.

Первый совершает свое обращение в течение десяти часов, а второй в течение двадцати одного с половиной часа, так что квадраты времен их обращения почти пропорциональны кубам их расстояний от центра Марса, каковое обстоятельство с очевидностью показывает, что означенные спутники управляются теми же самыми законами тяготения, которому подчинены другие небесные тела».

Не возникает сомнений, что «Гулливер» – книга фантастическая и в то же время – острая, беспощадная сатира на окружавшее Свифта общество.

Известно, что в 1609 году Галилей изобрел телескоп и в 1610 году открыл четыре спутника Юпитера, совершающих обороты вокруг этой планеты за несколько дней; обнаружил кольцо Сатурна и в этом кольце – две маленькие точки, два спутника, что выразил стихами: «Наблюдал тройное лицо высочайшей планеты».

С 1771 по 1778 год Кассини открыл еще четыре, а в 1789-м Гершель – еще два спутника. За десять лет до того он открыл два спутника Урана. И лишь в 1877 году, в год Великого противостояния Марса, когда Марс от Земли был на минимальном расстоянии в 55 миллионов километров, американский астроном А. Холл (1829—1907) открыл два спутника Марса. Тогда же итальянский астроном Скиапарелли, обладавший феноменальным зрением, разглядел их

без телескопа. Ближайший к Марсу спутник был назван Фобос, что в переводе с древнегреческого означает имя демона страха, а более отдаленный от Марса – Деймос – по имени демона ужаса.

Фобос восходит на западе и заходит на востоке в течение марсианских суток три раза. Он находится на расстоянии 9380 километров от Марса и один оборот вокруг него совершает за 7 часов 43 минуты.

Деймос совершает один полный оборот вокруг Марса за 30 часов 18 минут. От поверхности Марса он находится примерно в три раза дальше, чем Фобос, то есть на расстоянии около 23 500 километров. Так что приблизительно Свифт был прав. Каким образом, каким внутренним зрением он смог угадать существование двух спутников Марса, обнаруженных А. Холлом через 132 года после его смерти? Что это – проскопическое ясновидение? Пророчество?

Нет ответа на эти головоломные вопросы. Свифт мог знать об открытиях Галилея, даже наверняка знал о них. По аналогии с Сатурном почему бы не предположить, что и у Марса два спутника? Однако более логично было предположить, что – только один, как у Земли? Поражает его утверждение о времени обращения спутников и отношении его к их расстоянию от центра Марса.

Его расчеты не могли быть точными, но в целом он был прав. Ясновидение ли это, или какое-то сверхъестественное волшебство? Ни одно пророчество относительно судеб людей или государств не может сравниться с этим.

В галерее пророков, о которых идет речь в этой книге, Свифт уникален и неповторим так же, как его странности, его необычная, полная трагизма судьба, его гениальные произведения.

Иоганн Каспар Лафатер: забытые пророчества⁴

Прославленный автор более пятидесяти опер, заслуживший при жизни памятник у театра Комической оперы в Париже, Андре Эрнест Модест Гретри (1741—1813) рассказал в своих «Мемуарах» об удивительном и самом горестном случае из своей жизни.

У него были три дочери-погодки: старшей – 16, средней – 15, младшей – 14 лет. Однажды зимним вечером вместе со своей матерью они отправились на бал, в дом, хорошо им знакомый. Его хозяйкой была приятельница их семьи. Гретри приехал туда с опозданием, после репетиции его оперы «Рауль Синяя борода». Эту оперу ставил театр «Комеди Итальянн».

Иоганн Каспар Лафатер

Когда он вошел в зал, танцы были в разгаре. Его дочери привлекали всеобщее внимание; все восхищались их красотой и скромным поведением, а жена композитора наслаждалась их успехом больше, чем они сами. Все стулья рядом с ней оказались заняты, и Гретри подошел к камину, где стоял какой-то важный с виду господин. Гретри увидел, что и он не спускает глаз с его дочерей. Но смотрел он на девушек, наморщив лоб, в глубоком и мрачном молчании. Вдруг он обратился к композитору:

– Милостивый государь, не знаете ли вы этих трех девиц?

Почему-то Гретри не сказал, что они – его дочери, а ответил сухо:

– Мне кажется, это – три сестры.

– И я думаю так же. Почти два часа они танцуют без отдыха, я смотрел на них все это время. Вы видите, что все от них в восхищении. Нельзя быть прекраснее, милее и скромнее.

⁴ По материалам В. Астаховой.

Отцовское сердце забилося сильнее, Гретри едва удержался от признания, что девушки – его дети. Незнакомец продолжал, голос его стал торжественным, с пророческими интонациями:

– Слушайте меня внимательно. Через три года ни одной из них не останется в живых!

Слова незнакомца произвели на Гретри ошеломляющее впечатление. Мрачный господин сразу же ушел. Гретри хотел было последовать за ним, но не смог сдвинуться с места: ноги не слушались его. Придя в себя, он начал расспрашивать окружающих о странном человеке, но никто не сумел назвать его имени. Одно лишь выяснилось: он выдавал себя за физиогномиста, ученика знаменитого Лафатера.

«Странное сие предсказание оправдалось, – писал Гретри, – в течение трех лет лишился я всех дочерей моих...»

Имя Иоганна Каспара Лафатера (1741—1801) сейчас забыто, так же как созданная им физиогномика. Не вспоминают и талантливейшего из его учеников – венского врача и анатома Франца Галля, дополнившего физиогномику френологией, теорией, согласно которой можно определить характер и судьбу человека по строению его черепа.

Галль жил в Париже с 1807 года. Возможно, что именно он и был тем предсказателем, имя которого безуспешно пытался узнать Гретри. Слава Галля едва не затмила славу его учителя Лафатера, так как френология вскоре стала более популярной, чем физиогномика.

Суть же физиогномики Лафатера сводилась к следующему. Человек – существо животное, моральное и интеллектуальное, то есть – вождеющее, чувствующее и мыслящее. Эта природа человека выражается во всем его облике, поэтому, в широком смысле слова, физиогномика исследует всю морфологию человеческого организма. Так как наиболее выразительным зеркалом души человека является голова, то физиогномика может ограничиться изучением лица. Интеллектуальная жизнь выражена в строении черепа и лба, моральная – в строении лицевых мышц, в очертании носа и щек, животные черты отражают линии рта и подбородка. Центр лица, его главная деталь – глаза, с окружающими их нервами и мышцами. Таким образом, лицо делится как бы на этажи, соответственно трем основным элементам, составляющим главную сущность каждого. Физиогномика изучает лицо в покое. В движении и волнении его изучает патогномика.

Разработав такую теорию, сам Лафатер не следовал ей на практике. С детства он любил рисовать портреты, был исключительно впечатлительным, и лица, поразившие его красотой или уродством, перерисовывал по многу раз. Зрительная память у него была великолепна. Он заметил, что честность и благородство придают гармонию даже некрасивому лицу.

Лафатер родился в Цюрихе, изучал там богословие и с 1768 года до самой смерти занимал должность сначала приходского дьякона, а потом пастора в своем родном городе. Он продолжал рисовать уши, носы, подбородки, губы, глаза, профили, анфасы, силуэты – и все это с комментариями. Постепенно Лафатер поверил в свою способность определять по внешности ум, характер и присутствие (или отсутствие) божественного начала в человеке. Он имел возможность проверять верность своих характеристик на исповедях. В его альбомах были рисунки фрагментов лиц всей его паствы, портреты людей знакомых и незнакомых, выдающихся, великих и обыкновенных. Он анализировал в «Физиогномике» лица великих людей разных времен по их портретам, и некоторые характеристики производили впечатление гениальных догадок в области психологии.

По Лафатеру, у Фридриха Барбароссы глаза гения, складки лица выражают досаду человека, не могущего вырваться из-под гнета мелких обстоятельств.

Для скупцов и сластолюбцев характерна выпяченная нижняя губа.

У Брута верхнее глазное веко тонко и «разумно», нижнее округло и мягко, что соответствует двойственности его характера – мужественного и вместе с тем чувствительного.

Широкое расстояние между бровями и глазами у Декарта указывает на разум не столько спокойно-познающий, сколько пытливо стремящийся к этому.

В мягких локонах Рафаэля проглядывает выражение простоты и нежности, составляющих сущность его индивидуальности.

У Игнатия Лойолы, бывшего сперва воином, затем – основателем ордена иезуитов, воинственность видна в остром контуре лица и губ, а иезуитство проявляется в «вынюхивающем носе» и в лицемерно полуопущенных веках.

Изумительный ум Спинозы ясно виден в широком пространстве лба между бровями и корнем носа.

Эти замечания, вкупе с соображениями относительно темпераментов, «национальных» физиономий увлекательны и интересны, но научной ценности при отсутствии научных методов наблюдений не имеют.

Изложение основ физиогномики все время прерывается у Лафатера разными лирическими отступлениями: то он поучает читателя, то бранит врагов физиогномики, то цитирует физиогномические наблюдения Цицерона, Монтеня, Лейбница, Бэкона и других философов.

Кроме них, у него еще были предшественники: древние греки – Аристотель и Зопир, определивший сущность Сократа и уверенный, что большие уши – признак тонкого ума; Плиний Старший, уверявший, что это совсем не так, но обладающий большими ушами доживет до глубокой старости.

В своей «Физиогномике» Лафатер временами предается отчаянию при мысли о непознаваемости человеческой природы, иллюстрируя эту мысль изображением кающегося царя Давида, ослепленного небесным светом. И действительно, проникновение в сущность человеческого характера у такого гения, как Шекспир, не требует описаний внешности. В его пьесах очень редко говорится о чертах лица, однако, читая их, представляешь и Гамлета, и Шейлока, и Отелло, и Яго...

С улыбкой читаешь у Лафатера о Гёте: «Гений Гёте в особенности явствует из его носа, который знаменует продуктивность, вкус и любовь, словом, поэзию». Кстати, о Гёте. Еще до того, как стать дьяконом в Цюрихе, юный Лафатер совершил путешествие по Германии и имел счастье познакомиться и подружиться с Гёте. В то время он уже собирал материал для своей «Физиогномики» (книга была опубликована в 1772—1778 годах сначала в Германии, затем – во Франции, со множеством рисунков лучших граверов того времени).

В рассуждениях на тему «поэзия и правда» Гёте оставил привлекательный портрет своего друга: «Его кроткий и глубокий взгляд, его выразительный рот, простой швейцарский диалект, который слышался в его немецкой речи, и многое другое, выделявшее его среди других, давали всем, кто обращался к нему, – самое приятное душевное успокоение».

Гёте увлекся его теорией и сам начал изучать (довольно поверхностно) черепа людей и животных. Не дождавшись научных объяснений физиогномики, он стал говорить о Лафатере как об очень добром человеке, но подверженном огромным заблуждениям. «Вполне строгая истина не вдохновляла его, он обманывал себя и других. Поэтому-то между мною и им дело дошло до полного разрыва. Последний раз я видел его в Цюрихе, причем он меня не заметил. Переодетый, я шел по аллее и, увидев, что он идет мне навстречу, свернул в сторону, так что он прошел, не узнав меня. Своей походкой он напоминал журавля».

Лафатер верил в Калиостро и его чудеса. И когда его надувательства были разоблачены, Лафатер стал утверждать, что это был другой Калиостро, а истинный – святой человек.

Гибкий и длинный, с торчащим носом и выпуклыми глазами, всегда экзальтированный, Лафатер походил на взволнованного журавля. Таким он запомнился тем, кто его знал.

В 1781 — 1782 годы будущий император России Павел I и его жена Мария Федоровна – граф и графиня Северные (под таким псевдонимом по настоянию Екатерины Великой они путешествовали по Европе) побывали во многих странах. Одной из последних они посетили

Швейцарию, и в Цюрихе Павел встретился с Лафатером. Павел попросил во всей полноте изложить его идеи и слушал его с большим интересом. Стремившийся в тот период своей жизни ко всему мистическому, он с наивным волнением замечал, что доктрины цюрихского философа дали очень много его душе.

В начале августа 1780 года Николай Михайлович Карамзин приехал в Цюрих (тогда в России говорили «Цирих») для встречи с Лафатером, с которым переписывался и «Физиогномику» которого изучал. Вот несколько фрагментов из его «Писем русского путешественника»:

«В карете дорогою. Уже я наслаждаюсь Швейцарией, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце мое и развмвает в нем чувство радости. Какие места! Какие места!..

...Мы приехали в Цирих в десять часов утра... После обеда пойду – нужно ли сказывать, к кому?

В 9 часов вечера. Вошедши в сени, я позвонил в колокольчик, и через минуту показался сухой, высокий, бледный человек, в котором мне не трудно было узнать – Лафатера. Он ввел меня в свой кабинет. Услышав, что я тот москвитянин, который выманил у него несколько писем, Лафатер поцеловался со мною – поздравил меня с приездом в Цирих, – сделал мне два или три вопроса о моем путешествии и сказал: «Приходите ко мне в шесть часов; теперь я еще не кончил своего дела. Или останьтесь в моем кабинете, где можете читать и рассматривать, что вам угодно. Будьте здесь как дома». – Тут он показал мне в своем шкапе несколько фолиантов с надписью: «Физиогномический кабинет» и ушел. Я постоял, подумал, сел и начал разбирать физиогномические рисунки. Между тем признаюсь вам, друзья мои, что сделанный мне прием оставил во мне не совсем приятные впечатления...

Лафатер раза три приходил опять в кабинет, запрещал мне вставать со стула, брал книгу или бумагу и опять уходил назад. Наконец вошел он с веселым видом, взял меня за руку и повел – в собрание цирихских ученых... Небольшой человек с проницательным взором, – у которого Лафатер пожал руку сильнее, нежели у других, – обратил на себя мое внимание. При первом взгляде показалось мне, что он очень похож на С.И. И.Г. и хотя, рассматривая лицо его по частям, увидел я, что глаза у него другие, лоб другой и все, все другое, однако ж первое впечатление осталось, и мне никак не можно было разуверить себя в сем сходстве. Наконец я положил, что хотя и нет между ними сходства в наружной форме частей лица, однако ж оно должно быть во внутренней структуре мускулов! Вы знаете, друзья мои, что я еще и в Москве любил заниматься рассматриванием лиц человеческих, искать сходства там, где другие его не находили, и проч. и проч., а теперь, будучи обвеян воздухом того города, который можно назвать колыбелью новой физиогномики, метоскопии⁵, хиромантии, подоскопии⁶, – теперь и вы бойтесь мне на глаза показаться!..

...Вы, конечно, не потребуете от меня, чтобы я в самый первый день личного моего знакомства с Лафатером описал вам душу и сердце его. На сей раз могу сказать единственно то, что он имеет весьма почтенную наружность: прямой и стройный стан, гордую осанку, продолговатое и бледное лицо, острые глаза и важную мину. Все его движения живы и скоры; всякое слово говорит он с жаром. В тоне его есть нечто учительское и повелительное, происшедшее, конечно, от навыка говорить проповеди, но смягчаемое видом непритворной искренности и чистосердечия. Я не мог свободно говорить с ним, первое, потому, что он, казалось, взором своим заставлял меня говорить как можно скорее, а второе, – потому, что я беспрестанно боялся не понять его, не привыкнув к цирихскому выговору.

11 августа. В 10 часов вечера. Пришедши в одиннадцать часов к Лафатеру, нашел я у него в кабинете жену владетельного графа Штолберга, которая читала про себя какой-то

⁵ Метоскопия – определение прошлого и будущего по морщинам лба.

⁶ Подоскопия – определение характера по форме ног, главным образом ступни.

манускрипт, между тем как хозяин (NB: в пестром своем шлафроке) писал письма. Через полчаса комната его наполнилась гостями. Всякий чужестранец, приезжающий в Цюрих, считает за должность быть у Лафатера. Сии посещения могли бы иному наскучить, но Лафатер сказал мне, что он любит видеть новых людей и что от всякого приезжего можно чему-нибудь научиться. Он повел нас к своей жене, где пробыли мы с час, – поговорили о французской революции и разошлись. После обеда я опять пришел к нему и нашел его опять занятого делом. К тому же всякую четверть часа кто-нибудь входил к нему в кабинет или требовать совета, или просить милостыни. Всякому отвечал он без сердца и давал, что мог...» Импульсом для создания «Физиогномики» явился для Лафатера случай. Однажды в доме приятеля молодой Лафатер, стоя у окна, увидел проходившего по улице господина.

– Взгляни, – обратился он к приятелю, – там идет тщеславный и завистливый деспот, душе которого, однако, не чужды созерцательность и любовь к Всевышнему. Он скрытен, мелочен, беспокоен, но временами его охватывает жажда величественного, побуждающая его к раскаянию и молитвам. В эти мгновения он бывает добрым и сострадательным, пока снова не увязнет в корысти и мелких дрязгах. Он подозрителен, фальшив и искренен одновременно, в его речах всегда смешаны ложь и правда, и трудно понять, где одна, где другая. Он все время думает о том, какое впечатление производит на окружающих.

– Да это же... – и приятель назвал фамилию господина. – Ты давно знаком с ним?

– Впервые вижу.

– Не может быть! Как же ты мог так точно определить его характер?

– По повороту головы.

Лафатер был отмечен перстом Всевышнего, у него был особый талант, интуиция, а быть может, – «мистический нюх». Опыт, знания, умение анализировать – все это важно, но лишь в том случае, если есть этот дар Божий. Он не мог объяснить, как это у него получается. Иногда все решала мельчайшая деталь, какой-нибудь едва заметный признак.

Он носил в себе живую идею о Христе и не понимал, как можно жить и дышать, не будучи христианином. Во всяком событии физического или морального плана он видел личное проявление Бога. Физиогномист и в то же время богослов, он старался найти на человеческих лицах отражение божественного. Когда-нибудь человек сделается физически и духовно совершенным отображением Бога – Лафатер в это верил.

Постепенно физиогномика сделалась главной целью его жизни, хотя он продолжал писать и проповедовать. Популярность его росла, и посещение им ряда городов Европы превратилось в триумфальное шествие. Он не только определял сущность людей, но и предсказывал им судьбу.

К нему начали приезжать, присылать портреты жен, невест, любовников (фотографию тогда еще не изобрели), приводить детей. Иногда происходили курьезы. Однажды он принял приговоренного к смерти преступника за известного государственного деятеля, но все-таки в большинстве случаев он оказывался прав. О нем рассказывали чудеса.

Как-то в Цюрих приехал молодой красавец аббат. Лафатеру не понравилось его лицо. Прошло немного времени, и аббат совершил убийство.

Некий граф привез к Лафатеру свою молодую жену. Ему хотелось услышать от знаменитого физиогномиста, что он не ошибся в выборе. Она была красавицей, и граф надеялся, что душа ее так же прекрасна. Лафатер усомнился в этом и, чтобы не огорчать мужа, попытался избежать прямого ответа. Граф настаивал. Пришлось сказать, что в действительности Лафатер думал о его жене. Граф обиделся и не поверил. Через два года жена бросила его и окончила свои дни в публичном доме.

Одна дама привезла из Парижа дочь. Взглянув на ребенка, Лафатер отказался говорить. Дама умоляла. Тогда он написал что-то на листе бумаги, вложил в конверт, запечатал и взял

с дамы слово распечатать его не ранее чем через полгода. За это время девочка умерла. Мать вскрыла конверт и прочитала: «Скорблю вместе с вами».

Лафатер составил и свой собственный психологический портрет: «Он чувствителен и раним до крайности, но природная гибкость делает его человеком всегда довольным... Посмотрите на эти глаза: его душа подвижно-контрастна, вы получите от него все или ничего. То, что он должен воспринять, он воспримет сразу или никогда... Тонкая линия носа, особенно смелый угол, образуемый с верхней губой, свидетельствует о поэтическом складе души; крупные закрытые ноздри говорят об умеренности желаний. Его эксцентричное воображение содержит две силы: здравый рассудок и честное сердце. Ясная форма открытого лба выказывает доброту. Главный его недостаток – доверчивость, он доброжелателен до неосторожности. Если его обманут двадцать человек подряд, он не перестанет доверять двадцать первому, но тот, кто однажды возбудит его подозрение, от него ничего уже не добьется...»

Он был убежден, что характеристика беспристрастна.

Поклонники боготворили Лафатера, считали его провидцем. Великие писатели и поэты изучали физиогномику для того, чтобы описания героев их произведений точнее соответствовали их внутреннему миру. Со ссылкой на Лафатера Михаил Юрьевич Лермонтов характеризует внешность Печорина в «Княгине Лиговской». Соответствия портретных характеристик с физиогномикой есть во многих произведениях Лермонтова. В феврале 1841 года Лермонтов в письме к А.И. Бибикову сообщил, что покупает книгу Лафатера.

Замечателен портрет ханжи и негодяя Урии Гипа у Диккенса, вызывающий отвращение у читателя при первом же знакомстве: «Низенькие двери под аркой отворились, и то же самое лицо появилось в них снова. Несмотря на замечавшийся в нем красноватый оттенок, свойственный коже большинства рыжеволосых людей, оно показалось мне так же похожим на лицо мертвеца, как и в то мгновение, когда выглядывало перед тем из окна. Владелец его был действительно рыжий юноша всего только пятнадцати лет, как я узнал впоследствии. Тогда же он показался мне значительно старше. Рыжие его волосы были до чрезвычайности коротко обстрижены под гребенку. Бровей у него почти вовсе не было, ресницы же окончательно отсутствовали. Это придавало его красно-карым глазам совершенно особенное выражение. Они были до такой степени лишены надлежащей тени и покрова, что я не мог представить себе, каким образом устраивался обладатель их для того, чтобы спать. Это был плечистый и костлявый юноша в черном сюртуке и таковых же брюках и белом галстуке. Костюм казался мне приличным, а сюртук был застегнут на все пуговицы. Особенно бросалась мне в глаза длинная худощавая рука юноши, напоминавшая руку скелета...»

Далее Диккенс описывает, как этот юноша любил беспрестанно потирать руки и временами насухо вытирать их носовым платком. Когда же он пальцем проводил по листу бумаги, «казалось, что остается на ней мокрый и скользкий след, как от улитки...»

Оноре де Бальзак в «Человеческой комедии», в части, которая называется «Крестьяне», основываясь на физиогномике Лафатера, дает такую портретную характеристику одному из героев – Тонсару: «Он скрывал свой истинный характер под личиной глупости, сквозь которую иногда поблескивал здравый смысл, походивший на ум, тем более что от тестя он перенял «подковыристую речь». Приплюснутый нос, как бы подтверждающий поговорку «Бог шельму метит», наградил Тонсара гнусавостью, такой же, как у всех, кого обезобразила болезнь, сузив носовую полость, отчего воздух проходит в нее с трудом. Верхние зубы торчали вкривь и вкось, и этот, по мнению Лафатера, грозный недостаток был тем заметнее, что они сверкали белизной, как зубы собаки. Не будь у Тонсара мнимого благодушия бездельника и беспечности деревенского бражника, он навел бы страх даже на самых непроницаемых людей».

Последователей Лафатера в писательской среде было очень много. «Физиогномика» предоставляла богатейший материал для создания образов выдуманных героев. Им пользовались и поклонники великого физиогномиста, и те, кто о нем не слышал. Рассказы о приметах

внешних черт, соответствующих той или иной особенности характера, распространялись среди представителей разных слоев общества и уже не требовали ссылок на первоисточник. Тонкие губы – у злого человека, толстые – у доброго. Черный глаз опасен, голубой – прекрасен. Подбородок, выдающийся вперед, – у волевых людей, скошенный – у слабовольных и т.д. и т.п.

Особенно впечатляющей оказалась легенда о «петлистых ушах». Ее приводит Иван Бунин в рассказе с таким же названием: «У вырожденков, у гениев, бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, – вот на ту самую, которой давят их».

И все было бы прекрасно, если бы каждый мог, как Лафатер, определять характер и предсказывать судьбу, основываясь на его теории. Но так как этого не происходило – не получалось закономерностей, а были лишь случайные совпадения, – физиогномику начали забывать и, мало того, высмеяли как лженауку.

Одним из вошедших в историю курьезов оказалась попытка определить характер Чарлза Дарвина последователем и почитателем Лафатера, капитаном парусного корабля «Бигль» Фицроем, который верил в физиогномику как в систему, не подлежащую критике. Он был убежден, что сможет определить способности каждого из приходивших к нему кандидатов на должность натуралиста в кругосветном плавании по форме носа. Внимательно вглядываясь в лицо Дарвина, он почувствовал некоторое сомнение в том, что у человека с подобным носом хватит энергии и решимости вынести предстоящее путешествие. К счастью, Фицрой сумел преодолеть свои сомнения и позднее вынужден был признать, что ошибся.

Жизнь цюрихского пастора не была бы ничем омрачена, если бы он не выразил вслух протест против оккупации Швейцарии французами в 1796 году. За это его выслали из Цюриха, но через несколько месяцев он вернулся. Возобновились его проповеди и рассуждения на моральные темы, ничего не прибавлявшие ни к его славе физиогномиста ни к славе литератора. Он написал несколько произведений на библейские темы и сборников религиозной лирики, но как поэт он не создал ничего замечательного. Все, что он писал или говорил, характеризовало его как личность обаятельную и добросердечную. Слова «вера» и «любовь» были для него тождественны. Он постоянно искал компромисс между взглядами Церкви и общества. Он пытался даже примирить животный магнетизм Месмера с наукой и религией одновременно.

Его гибель в 1801 году была результатом наивно-идеалистического взгляда на вещи. Он вздумал пуститься в душеспасительные рассуждения с пьяными французскими мародерами. Один из них выстрелил в него. От этой раны Лафатер и умер. Перед смертью он простил убийцу и даже посвятил ему стихотворение. Знал ли Лафатер, провидец судеб стольких людей, какая судьба ожидает его самого? На это у него нет никаких указаний. «Если бы располагали точными изображениями людей, кончивших жизнь на эшафоте (такая живая статистика была бы крайне полезна для общества), – писал Бальзак, – то наука, созданная Лафатером и Галлем, безошибочно доказала бы, что форма головы у этих людей, даже невинных, отмечена некоторыми странными особенностями. Да, рок клеймит своей печатью лица тех, кому суждено умереть насильственной смертью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.